

СОВРЕМЕННЫЙ
ФРАНЦУЗСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЖАН-ПАТРИК МАНШЕТТ

СТРЕЛОК

БММ

Жан-Патрик Маншетт
Стрелок (сборник)
Серия «Современный французский детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9519713

Стрелок ; Телеграмма с Западного побережья : [романы] / Жан-Патрик Маншетт ; пер. с фр. А. Беяк, И. Светлова ; предисл. Д. Саллиса в пер. И. Светлова. : Бертельсманн Медиа Москва АО;

Москва; 2015

ISBN 978-5-88353-667-9

Аннотация

Жан-Патрик Маншетт (1942–1995) – писатель, переводчик, сценарист, автор остросюжетных полицейских романов, один из лучших мастеров криминального жанра в литературе Франции; его сравнивали с Сименоном, Жапризо, Борнишем... По его произведениям сняты известные боевики, такие как «За шкуру полицейского» и «Троих надо убрать» (второй – по мотивам романа «Телеграмма с Западного побережья», также включенного в эту книгу), с Аленом Делоном в главных ролях.

Герой романа «Стрелок», агент секретной службы, узнает, что в ходе очередной операции его подставили. Чтобы спасти свою жизнь, он вынужден пуститься в бег. Преследователи буквально идут по его пятам! Постоянные перелеты из страны в страну, предательство друзей, хитроумные засады и ловушки, которые предстоит миновать... Головокружительный триллер в стиле лучших романов Ладлэма о Джейсоне Борне!

Содержание

Предисловие	5
Стрелок	7
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Жан-Патрик Маншетт Стрелок; Телеграмма с Западного побережья

Jean-Patrick MANCHETTE.

La position du tireur couché;

Le petit bleu de la côte ouest

Переводчики Алла Беляк, Илья Светлов

Предисловие Джеймса Саллиса в переводе Ильи Светлова

Дизайнер обложки Иван Лицук

La position du tireur couché © Editions Gallimard, Paris, 1981

Le petit bleu de la côte ouest © Editions Gallimard, Paris, 1977

Предисловие

Одна из самых больших опасностей, которые подстерегают художника на творческом пути – это профессионализация.

По мере накопления опыта писатель обретает необходимые навыки, как точнее создавать характеры своих персонажей, как эффектнее переходить от одной сцены к другой и нагнетать напряжение. И тогда возникает соблазн воспользоваться уже проторенными дорожками. Творчество уходит, улетучивается та искра, которая чувствовалась в прежних работах.

Так же, как и писателей, нас все сильнее захватывают суэта и коммерческий аспект. Мало-помалу мы начинаем отдаляться от нашей первой страсти, забываем о тех причинах, по которым изначально взялись за труд.

И вдруг мы обращаемся к прошлому.

Музыканты слушают Дока Боггса, Баха или Чарли Крисчена. Художник обращается к примитивным формам искусства. Писатель перечитывает классиков: Сервантеса, Стендаля, Джойса, Бодлера, Рэймонда Чандлера.

И вот мы встречаем автора, который пишет:

«Раньше уже случалось то, что происходило сейчас. Жорж Жерфо собирался перестроиться в крайний левый ряд... Ясно – каждый второй водитель малость того. Кстати, Жорж тоже пьян – он махнул пять стаканов бурбона «Фо Роузес». Кроме того, часа три тому назад закинулся барбитуратами (всего парой таблеток), что обычно надолго придает ощущение бодрости... Никто не знает, что заставило пьяного Жоржа врубить именно эту музыку да понестись по правому ряду. В любом случае явно не тот факт, что он убил двух человек».

Нас охватывают волнение, удивление, восхищение – те чувства, которые я испытывал ребенком, начиная читать новую книгу. То же самое я ощущал, когда открыл для себя Чандлера, Старджона, Камю. История не навязывается читателю, а как бы рождается изнутри, в нем самом. И пока я держал книгу в руках, мне казалось, что сижу в темной комнате в круге света. А если бы свет погас, то в наступившей темноте я стал бы светиться сам.

Книги Жан-Патрика Маншетта сухи, они состоят из мускулов. Истории, которые рассказывают его романы, содержат в себе действие, аллюзии, предметы, климат, время – все сливается в едином потоке. Эти истории движутся. Они неумолимо влекут нас вслед за своими героями.

Сэмюэл Дэшилл Хэммет вывел убийство из прекрасных особняков и поместий, чтобы сделать его уделом настоящих, «всамделишных» преступников. У Рэймонда Чандлера из обшарпанных каморок, убогих фасадов, подъездов и служебных входов выглядывало лицо богатства и нарушенных обещаний. В книгах этих мастеров детектива пела дорога, говорили улицы, хлопали на ветру занавеси, рвались в клочья. И вот, в запертой до поры маленькой душной комнатке неожиданно вскрывались истинные мотивы общества – жадность и насилие.

Жан-Патрик Маншетт знал об этом. Его полицейский роман стал «великим нравственным литературным свидетельством нашего времени».

Годы спустя я сидел в круге света – в другой комнате, в ином городе, в другой жизни.

Но на этот раз я не читал, а писал.

«Был прекрасный осенний день. Он выехал на шоссе, долой из Нью-Йорка. Он должен был бы чувствовать себя усталым, издерганным, опустошенным – но не ощущал этого... По радио передают песенку, которая, как он еще помнит, была популярна в те времена, когда его девиз был: “Вперед!” Он счастлив. Странно, но все это никак не связано с тем, что он скоро умрет, что несколько месяцев тому назад убил четырех человек».

Я остановился, чтобы вернуться на верх страницы, где под названием «Концерт для насилия с оркестром» добавил слова: «Памяти Жан-Патрика Маншетта».

Романы Маншетта столь повлияли на мои произведения, что стали напоминать его собственные, те самые, которые в свое время дали жизнь французскому триллеру. Я чувствовал себя так, словно мне сделали переливание крови.

Никогда, ни до, ни после, я не выражал открыто свое признание автору, который повлиял на меня так сильно, что наше творческое дыхание сделалось единым. Это дыхание – порыв, приданный мне Маншеттом, сверкающее сияние, вырывающееся из темных глубин, – билось во мне многие годы.

Десять книг за одиннадцать лет – вот и весь путь романиста Маншетта.

Он работал главным редактором, кинокритиком, писал сценарии для кино и телевидения, переводил, создал серию бесценных эссе о жанре триллера.

В 1989-м ему поставили диагноз: рак поджелудочной железы. В 1995 году в возрасте пятидесяти трех лет Маншетт скончался в Париже, оставив незавершенной книгу «Принцесса крови». Этот роман должен был, по замыслу автора, стать первым из пяти произведений, посвященных пяти десятилетиям – от Второй мировой войны до наших дней.

Интриги в произведениях Маншетта – оболочки, внутри которых заключена суть происходящего, – четко прорисованы, всеобъемлющи, архетипичны. Месть, бегство, роковой для убийцы заказ, безнадежные поиски, обыватели, внезапно оказавшиеся в немыслимых ситуациях, насилие... Маншетт рассказывает просто: так, мол, получилось. Никто не замечает уловки: истории о загнанных в угол людях превращаются в акт обвинения обществу, его абсолютной власти, культу развлечений и зрелищ. Маншетт сопоставляет пошлое и изысканное, сцены из повседневной жизни перемежает картинами жесточайшего насилия с целью показать бесчисленные ловушки сытого буржуазного существования и выяснить возможность жизни вне системы потребления, комфорта и условностей.

Как и Хэмметт, Маншетт утверждает, что все лгут; как и Артюр Рембо, говорит, что все, что мы представляем из себя, – фальшиво.

В эпоху, когда все пускают пыль в глаза, романы Маншетта, исполненные столь необычного изящества и милосердия, кажутся проще, чем они есть на самом деле, но значат больше, чем написанные слова.

Среди холмов сельского Юга, где я рос, местные охотники на белок обычно прибивают тушки к деревьям. Затем при помощи ножа с силой сдирают шкурку одним движением, ловко и быстро. Беличьи шкурки развешаны повсюду – на деревьях, на стенах хижин, охотничьих заимках. Они словно постоянное напоминание...

Книги, в том числе романы Маншетта, суть те же шкурки...

Джеймс Саллис

Стрелок

1

Стояли зима и темень. Примчавшись прямо из Арктики, ледяной ветер ворвался в Ирландское море, прочесал Ливерпуль, понесся по Чеширской равнине (где коты зябко прижали уши, заслышав вой в камине) и через опущенное стекло ударил по глазам мужчину в небольшом фургоне «бедфорд». Он даже не моргнул. Сидел прямо, прислонясь к правой передней дверце.

У высокого, но не то чтобы плотного молодого человека спокойное лицо, голубые глаза и каштановые волосы, достававшие ровно до верхней кромки уха. Одет в бушлат, черный свитер и джинсы. На ногах – поддельные кларксы. Выглядит лет на тридцать или чуть больше – на самом деле он моложе. На коленях у него лежал автоматический пистолет «Ортгис» с глушителем «Редфилд». Звали мужчину Мартен Терье.

Фургон был припаркован в северном пригороде Ворчестера, в жилом квартале с кучей особнячков в стиле Тюдоров, с фахверковыми стенами, окошками с мелкой расстекловкой и переплетами, покрытыми блестящей черной краской. Из окон без ставен лилось сероватое или блеклое свечение телевизоров. На остановке по соседству две пары дожидались автобуса, нахохлившись и подставив ветру спины.

Под козырьком одного из tudorских домиков, в пятидесяти метрах от фургона, зажегся фонарь. Когда дверь особняка открылась, Терье бросил сигарету «Голуаз» на пол машины. Он схватил «Ортгис» и снял с предохранителя в тот момент, когда стоявший на крыльце Маршалл Дубовский обернулся, чтобы чмокнуть жену в щеку. С севера подходил ярко освещенный двухэтажный автобус. Дубовский, затянутый в серый плащ без пояса, со всех своих коротких ножек бросился вперед. Одной рукой удерживая на черепе тирольскую шляпу из зеленого ворсистого фетра, он рысью пробежал садик, на тротуаре прибавил скорость и достиг остановки, на три секунды опередив автобус. Терье досадливо цокнул языком. Перекинув ноги вбок, он схватил руль фургона и поставил на предохранитель автоматический пистолет, который положил рядом на левую половину сиденья. Дубовский и обе пары тем временем поднимались в автобус. Транспорт тронулся. Терье дал ему немного отъехать.

В центре Ворчестера есть площадь, где расположено кольцо нескольких автобусных маршрутов. Припарковывая фургон, Терье смотрел, как Дубовский входит в расположенный там кинотеатр, в котором показывали два разных фильма: заурядный американский боевик с Чарльзом Бронсоном и черно-белая британская комедия из провинциальной жизни, с Дианой Силенто. Когда пассажиры наконец разбрелись, площадь опустела. Разместившийся напротив кинотеатра абсолютно непримечательный паб, скорее похожий на большую прачечную-автомат, бросал сквозь матовые стекла на тротуар лужи желтого света. В стеклянном кубе, в глубине холла, сидела кассирша и вязала.

Крашенная рыжая девица с алой помадой на губах и обилием туши на ресницах, в короткой шубе из пунцового искусственного меха и сапогах из черного кожзаменителя на очень высоких каблуках, вышла из зала и покинула кинотеатр. Перебросив красную сумку через плечо, она двигалась, держа руки в карманах, с хмурым и алчным лицом. Дубовский последовал за ней на расстоянии в двадцать метров и украдкой глянул в сторону паба.

Когда девица и мужчина отошли от кинотеатра и почти достигли поворота, Терье тронулся с места, нагнал их, проехал дальше. Как раз перед тем, как рыжая оказалась на перекрестке, Мартен круто взял вправо, тут же прижался к тротуару и затормозил. Девица мино-

вала угол и, пригнув голову, направились дальше. Не выключая мотор, Терье открыл левую дверцу и ступил на тротуар, держа «ортгис» в руке. Дубовский чуть не наткнулся на него. Их взгляды встретились, Дубовский открыл рот, чтобы заорать. Терье очень быстро выпустил одну пулю в распахнутый рот и другую – в основание носа.

Рыжая девица обернулась на негромкий звук детонации, Терье тоже повернулся. Они оказались лицом к лицу в тот момент, когда череп Дубовского, расколотый, пробитый и рассыпавшийся ошметками, как скорлупа крутого яйца, с хлюпаньем брякнулся на тротуар. Терье сделал два шага вперед, вытянул руку, приставил глушитель к сердцу девицы, один раз нажал на спусковой крючок – ту отшвырнуло назад, кишки с шумом опорожнились, и она замертво упала навзничь. Терье сел в фургон и уехал.

Он свернул влево и направил машину на запад по широкому, абсолютно пустому, проспекту с рядами магазинов. Резкий ветер гнал истрепанные газетные листы. За темными стеклами висели сотни пустых костюмов, стояли тысячи пустых ботинок, тысячи квадратных этикеток из картона указывали цены в фунтах стерлингов и иногда – в гинеех.

Вскоре фургон въехал на автостраду. Около полуночи Мартен миновал Оксфорд. Позже он достиг Лондона.

Терье остановился в отеле «Кавендиш». Он оставил фургон на стоянке гостиницы, поднялся в номер и достал из минибара маленькую бутылку испанского игристого. Выпил бокал, потом слил остатки шипучки в раковину, бросил бутылку в угол комнаты. Открыл банку эля, неторопливо выпил, вытянув ноги на кровати и держа корпус прямо. Выкурил две или три сигареты. Мартен был почти полностью неподвижен, но, казалось, не хотел спать. Затем он встал, разобрал оружие, тщательно прочистил и сложил в картонную коробку. Выкурил еще одну сигарету, переоделся в пижаму, лег и выключил свет.

2

В 8.30 пунктуальная ямайка принесла Терье завтрак. Мужчина быстро поел. Черты его лица слегка заострились, вокруг глаз легли тени, края век покраснели. Он выставил поднос в коридор. Умылся, оделся. Мартен повязывал синий трикотажный галстук поверх голубой рубашки, когда в дверь постучали. Терье накинул пиджак от серого костюма и открыл. Вошел парень с бакенбардами, светловолосый и полный. Один и тот же герб красовался на блейзере и зеленом галстуке.

–А вы знали, что это за девица? – спросил посетитель, предварительно закрыв дверь.

Терье пожал плечами. От парня пахло лосьоном после бритья. У него были круглые серые глаза. Он вяло улыбался.

–Так оно и лучше, – заключил парень. – Полиция допрашивает супругу. Оружие при вас?

Терье кивнул на картонную коробку. Молодой блондин с бакенбардами сунул ее под мышку.

–До встречи, – сказал парень.

–Кто знает...

Блондин улыбнулся. Он вышел и без малейшего звука закрыл дверь. Терье снова пожал плечами. В пепельнице с рекламой чего-то под названием «Янджерас-татен» – видимо, пива – он сжег оставшуюся при нем фотографию Дубовского. Бросил пепел в туалет, потом спустился с багажом в холл и оставил вещи в камере хранения отеля. Оплатил номер, забрал со стоянки фургончик «бедфорд» и отогнал назад в гараж, где брал в аренду.

В Камдене, на севере Большого Лондона, было холодно и сухо. По-прежнему дул ветер. Терье на автобусе вернулся в центр, в район Сохо. Сделал несколько покупок, прогулялся. На

Грик-стрит было полно китайцев. В одной пыльной лавке старик предложил Терье купить пиратский диск Каллас, но у Мартена такой уже имелся.

Днем он пешком добрался до отеля «Кавендиш», взял багаж. На такси доехал до аэропорта. У подъезда к аэродрому было много полицейских и военных, они проверяли машины и людей в связи с недавними терактами ирландских националистов.

Самолет поднялся в воздух с опозданием на двадцать минут. Ранним вечером он приземлился в Руасси-Шарль-де-Голль. Около 21.30 таксист-француз высадил Терье у его дома на бульваре Лефевр, напротив выставочного комплекса неподалеку от Версальских ворот.

Терье поднялся пешком. Лифта в доме не было. Он жил в студии-мансарде под крышей на седьмом этаже. Когда Терье дошел до своей площадки, внутри квартиры зазвонил телефон. Пока Мартен открывал и входил, звонки прекратились. Он запер за собой дверь, включил свет и секунду стоял неподвижно, поставив дорожную сумку на пол рядом с собой.

Единственная комната с кухонным закутком и смежным с душевой туалетом была обставлена незатейливо. Белая кровать, бежевый ковер с длинным ворсом, два кресла из белого пластика, низкий столик – вот, пожалуй, и все. С потолка свисал большой бумажный светильник в виде шара, на стене возле кровати вместо бра крестообразным крюком крепился черный металлический прожектор. На полу у дальней стены виднелись стопки миниатюрных книг и диски. В одном из белых кресел сидел бородатый негр в костюме табачного цвета и ярко-желтой рубашке с высоким горлом.

– Это я, – сообщил он.

– Ты меня напугал, – сказал Терье.

– Извини...

Терье взял сумку и шагнул в студию.

– Как ты вошел?

– Издеваешься, Кристиан? – спросил негр.

Терье поставил сумку под окно. Отправился в кухню, положил в бокал несколько кубиков льда, добавил водки и пару капель лимонного сока. Себе он налил слишком холодного пива «Мютциг». Вернулся в комнату, отдал бокал негру, который сидел как прежде, только вытянул ноги, демонстрируя черные шелковые носки и ботинки из очень мягкой сафьяновой кожи. Мужчины выпили.

– Итак? – начал Терье.

– Ходят разные слухи. Ты решил завязать, Кристиан? – спросил негр у Мартена.

– Кто говорит?

– Мистер Кокс.

– Это он сказал лично тебе? – уточнил Терье.

– Одному человеку. Коксу очень не понравилось.

– И он послал тебя ко мне?

Негр, не улыбаясь, покачал головой.

– Кокс пидор, гнида и урод, – заметил он. – Я пришел, чтобы убедиться, что тебя никто не подстерегает.

– Почему?

– Я тебя нанял, – ответил негр.

– И что?

Негр с отсутствующим видом покачал головой.

– Я знаю мужиков, которые сколачивали повстанческие бригады в Азии, – начал он. – Но конъюнктура изменилась, и им пришлось бросить это дело. Некоторых подкосило. Кто-то до сих пор ходит к психоаналитикам. А кто-то подался в буддисты. Представляешь? То-то и оно. – Негр глотнул водки с лимоном. – Я не такой. И все-таки тебя нанимал я.

Зазвонил телефон. Терье снял трубку. На том конце провода был мистер Кокс.

–Я только что вернулся, – сообщил Терье. – Все прошло хорошо.

–Да. На этот раз я лично отдам вам деньги.

–Ладно, – согласился Терье и чуть сдвинул брови.

–На улице Варенн, – сказал мистер Кокс. – Завтра в девять утра.

–Ладно, – повторил Терье.

Он повесил трубку, взглянул на негра, который прижимал пальцами крылья носа и чуть раскачивался в кресле. Терье снова снял трубку, но не поднес ее к уху.

–Мы еще увидимся.

Негр вздохнул, подобрал с пола черное пальто и направился к двери.

–Кокс для начала попробует тебя разубедить, – заметил он на ходу. – Не жги мосты. Будут проблемы – ты знаешь, где меня найти.

–Да.

–Я не останусь ужинать, – заявил негр, открывая дверь. – Ты не говоришь мне, что думаешь. Ты мне не доверяешь. Я оскорблен, Кристиан.

–Пока, – сказал Мертен Терье.

Негр вышел и закрыл за собой дверь. Терье набрал телефонный номер, слыша удаляющиеся шаги гостя по лестнице. На том конце провода, пока Алекс не сняла трубку, прозвучало очень много гудков.

–А, вернулся! – воскликнула она счастливым и запыхавшимся голосом. – Я боялась, что ты приедешь только завтра. Я на самом деле была уже на лестнице – собралась в кино. Хочешь, пойдем вместе?

–Нет. Я еще не ужинал. Приходи после фильма.

–С ума сошел! Я сейчас же буду у тебя!

–Нет, – повторил Терье. – Мне надо поужинать с одним человеком.

–С ним или с ней?

–С мужиком. Приходи к половине первого.

–А... – В голосе Алекс слышалось разочарование. – Судана привезти?

–Пожалуйста.

–Я люблю тебя. Я скучала.

–Да. Я тоже. До скорого.

Они разъединились. Терье медленно допил пиво, стоя и хмурясь. Потом быстрым шагом отнес стакан в раковину на кухне и открыл шкаф, где поместились посуда и деревянный ящик. Он взял ящик, в котором хранился автоматический пистолет «Хеклер-Кох» 4 со сменными стволами. Проверил чистоту различных частей оружия, потом собрал его со стволом 32-го калибра и соответствующим магазином. Мартен положил пистолет под подушку на кровати, вернулся в кухню, выпил еще пива, стоя поужинал сардельками с чечевицей из консервной банки и куском швейцарского сыра.

Когда Алекс открыла дверь своим ключом, Терье давно уже закончил приготовления. Сидя в кресле, он читал научно-фантастический роман и слушал музыку из маленького приемника.

У Алекс были темные волосы, короткая стрижка, поразительные голубые глаза, высокие скулы, красивая линия шеи и подбородка. Высокорослая девушка с крупными бедрами и грудью, почти такой же упругой, как ягодицы, была одета в светло-серый брючный костюм-тройку с белой рубашкой. На плече у нее висела белая кожаная сумка, а в руке была прямоугольная плетеная корзинка с крышкой. Оттуда мяукнул Судан. Алекс поцеловала Терье, тот чмокнул ее в ответ.

–Как фильм – хороший?

–Дерьмо. Я не досмотрела до конца и сидела в баре, пока не пришла сюда. А как твой ужин?

Терье пожал плечами. Он взял корзинку, поставил на пол и открыл. Судан высунул лапу, вылез, стал расхаживать по студии, приняхиваясь и равнодушно глядя по сторонам. Наконец он прошел в кухню и начал есть из миски, куда Терье насыпал для него корм. Тем временем Алекс приблизилась к низкому столику, где находились подарочные пакеты.

–Какой ты милый! – восхитилась она.

–Это прощальные подарки, – пояснил Терье.

–Как это?

–Дело не в тебе. И вообще ни в ком. Я предупреждал, что настанет день и мне придется внезапно уехать – одному. Ты помнишь. Ну и вот...

Алекс отодвинула подарки на край стола, спокойно и задумчиво. Сигарета «Бенсон-энд-Хеджес» зажглась только с третьей спички.

–Нашел кого получше? – поинтересовалась она.

–Вовсе нет, – ответил Терье. – Другой женщины не существует.

Алекс сквозь зубы грязно выругалась. Мартен молча посмотрел на нее, потом сходил в кухонный закуток и налил рюмку водки. Когда он вернулся, Алекс стояла, склонившись над книгами, стопками сложенными у стены, и запихивала тома себе под мышку.

–А это мое, – говорила она. – И это. И это. И это. – Она, не разгибаясь, обернулась и подмигнула Терье. – О'кей. Как договаривались. Без вопросов. Без дрызг. О'кей.

–Хорошо, – произнес Терье. – Ты можешь забрать все книжки, я их с собой не возьму.

Он подошел к приемнику и выключил его. Алекс с книжками подмышкой, слегка спотыкаясь, вернулась к низкому столику. Край стакана стукнул о зубы – она осушила до дна. Звякнули кубики льда. В спешке Алекс облила себе верхнюю губу и кончик носа.

–Я вызову тебе такси, – предложил Терье. – Не забудь подарки.

Алекс рассмеялась. Она выпустила из руки стакан, который упал на ковер и не разбился, бросилась в кухню, стала шарить в ящике, вернулась с разделочным ножом. Приставив кулак к животу, она направила лезвие на Мартена. Зубы у нее обнажились, косметика на лице смазалась.

–Стой, – выдохнул Терье, не двигаясь.

–Сволочь...

Алекс сделала шаг вперед. Терье перенес вес на левую ногу и, чуть согнув правый локоть, сомкнул напряженные пальцы правой руки. Но девушка резко мотнула головой и швырнула нож в сторону окна. Он лязгнул об стекло и упал на пол. Алекс покачала головой.

–А Судана ты берешь в свою новую жизнь?

–Да.

–Ему не понравится.

–Посмотрим.

–Кристиан, оставь несчастного кота мне, – попросила Алекс. – На память. Пожалуйста. – Теперь у нее по лицу текли слезы, но она словно не замечала этого и улыбалась.

–Глупости говоришь.

Алекс мотнула головой. Терье снял трубку и вызвал такси. Ждать надо было пять минут. Он остался стоять. Алекс собирала вещи и подарки.

–Судану с тобой будет плохо, – заметила она. – Ты ненормальный. У тебя в голове что-то вывихнуто. Я пыталась. Черт побери! Я пыталась!

Она не сказала, что именно она пыталась сделать. Перед тем, как уйти, проходя мимо Терье, Алекс приподнялась на цыпочки и неловко плюнула ему в лицо.

3

Квартира на улице Варенн представляла собой двухэтажный лофт, устроенный на задах бывшего особняка, в закрытом дворе над бывшей конюшней, превращенной в личный гараж. Во дворе над звонком на прямоугольной табличке с ободком значилось имя: Лионель Пердри. За несколько секунд до девяти утра Терье семь раз коротко нажал на звонок, толкнул дверцу наружной решетки и поднялся по ступенькам. Дистанционный замок на белой лакированной двери зажужжал и отщелкнулся, Терье толкнул створку, прикрыл ее за собой и преодолел еще один марш ступенек, застланных серым ковровым покрытием. Он попал в просторную бело-серую двухуровневую квартиру, обставленную немногочисленной модной мебелью и произведениями современного искусства – поп-арта, опт-арта и кинетики.

Мистер Кокс сидел с краю гигантского дивана из белой кожи, спиной к глухой стене под выступающей лоджией второго этажа. В перила лоджии упирался животом мелкий черноглазый тип в сером плаще. Засунув руки в карманы, он не сводил глаз с Терье.

Мистер Кокс, нагнувшись к низкому белолаковому столику, похожему на речный сундук, поглощал обильный бранч из яиц, бекона, жареных колбасок, маленьких пухлых блинчиков и кленового сиропа, запивая все черным кофе.

– Утром не успел позавтракать, – пояснил он, пока Терье подходил ближе. – Да и выспаться тоже, кстати. Надо обсудить вашу ситуацию, Кристиан.

Он промокнул липкие от сиропа губы бумажным носовым платком и огорченно посмотрел на Терье. Большой и мясистый мистер Кокс имел толстое розовое лицо, маленький нос и маленький обидчивый ротик. Его жидкие светлые волосы были безупречно подстрижены. Пальто из верблюжьей шерсти он не снял. Желто-синий шарф в шотландскую клетку валялся рядом на диване. Терье расстегнул коричневое кожаное пальто, но остался в нем, сел напротив мистера Кокса в огромное кресло от того же ансамбля, что и диван.

– Он вооружен, – заметил мелкий мужик на лоджии, не отводя взгляда от Терье.

Мистер Кокс посмотрел на Мартена и дружелюбно ухмыльнулся.

– Зачем надо было убивать девку? – спросил он. – Возникли проблемы?

– Никаких. Она была его любовницей. Неважно.

– Я спросил просто так. Вы всегда убивали только объект.

– Спешил.

– Ясно, – сказал мистер Кокс. – Вы шутите, но скорее всего, так и было.

– Я не шучу, – ответил Терье.

Мистер Кокс подцепил вилкой кусок блина, истекающий сиропом и подтаявшим маслом, потом, не поднимая век, покачал головой. Вздыхая и дожевывая, наклонился вперед, открыл кожаный портфель, стоявший на полу возле дивана. Не торопясь достал оттуда коричневый пакет, похожий на большую пачку писчей бумаги и двинул его по столу в сторону Терье. Тот прикинул пакет на вес. Посмотрел на мистера Кокса.

– Вдобавок бонус, – пояснил Кокс.

По таким деталям можно было заметить, что французский для него не родной язык. В остальном никакого акцента не чувствовалось.

– Спасибо.

– Поговаривают, вы уходите из дела, Кристиан.

– Поговаривают? Вряд ли.

– Вы продали машину, купили другую, съехали с квартиры. И все такое...

– Ладно. Я выхожу, – признал Мартен Терье.

– Не похоже, что вы намерены работать на кого-то другого. Вы просто уходите из дела. Я прекрасно понимаю. И все же надо было со мной поговорить. Вы не можете исчезнуть без предупреждения.

– Именно это я и собираюсь сделать.

– Мы не одобряем, – заметил мистер Кокс. – Естественно, при вашей работе принуждение недопустимо.

– Я так и подумал. – Терье улыбнулся.

– Компания готовит важный проект, – сообщил мистер Кокс. – Выполните работу – и сможете выйти. Заверяю: мы облегчим вам жизнь. Вы же знаете, мы на это способны. Или же, напротив, создадим вам много трудностей.

– Не советую меня доставать. – Терье снова улыбнулся.

– Цену можете назначить сами. Скажем, сто пятьдесят тысяч французских франков?

Терье отрицательно покачал головой.

– Двести тысяч, – настаивал мистер Кокс.

Терье встал, держа под мышкой коричневый пакет.

– Сожалею. Ни за какие деньги. А теперь я ухожу.

Он, не особенно торопясь, стал отступать к лестнице, придерживая пакет левой рукой, полусогнув правую. Взгляд его голубых глаз переходил с господина Кокса на мелкого мужика и обратно.

– Тем хуже, – сказал мистер Кокс. – Скатертью дорога. Захотите снова связаться со мной – дайте частное объявление в «Монд», в разделе «Календарь событий». Даже не пытайтесь вступить в контакт другим способом.

– Прощайте, – ответил Терье.

Он спустился по ступеням, покинул дом, миновал мощеный двор, потом решетку. Мартен направился к Сене, остановил проходящее такси, доехал до Барбеса, сел в метро, сделал две или три пересадки и, выйдя на станции «Нотр-Дам-де-Лорет», оказался на воздухе. Встречу со своим финансовым агентом Терье назначил на одиннадцать, значит, еще рано. Он переждал у стойки кафе, за чашкой эспresso, отдававшего дубленой кожей.

Финансовый поверенный Фольк жил на первом этаже дома на улице Виктуар, в глубине двора, в двух тесных комнатах, одна из которых служила ему кабинетом. Иногда он оставлял смежную дверь приоткрытой, и тогда в другой комнате виднелась плохо застеленная кровать с сероватым бельем. Фольк был низкорослым, некрасивым, лысым, с черными точками угрей и с неопрятными дурацкими усиками. Зимой и летом он принимал без пиджака. Его твидовые брюки в елочку держались на тонких, скрещенных на спине подтяжках с прищепками. Фольк был многословен. Курил твердые, как булыжник, постоянно гаснущие сигары «Тосканелли».

– Я не внушаю доверия, потому что выгляжу как оборванец, – сказал он однажды Терье. – Да! Да! У меня неряшливый вид, господин Шарль, я похож на мелкого барышника! – выкрикивал он, хотя Терье и не пытался возражать. – Хороший финансовый советник должен выглядеть преуспевающим. Так думают люди. Но мне некогда. Хотите знать почему?

– Хочу, – терпеливо ответил Терье.

– Потому что у меня все время уходит на деньги, – сказал Фольк торжествующим тоном. – Я пускаю их в оборот. Мне это нравится. Ничто другое меня не интересует. Ни пожрать, ни потрахаться, ни одеться получше – ничего. Вы понимаете, что это такое – когда голова забила только одним?

– Возможно.

Фольк недоверчиво покачал головой, потом показал Терье фотографию дочек, двух девочек-подростков, с которыми виделся раз в месяц (он был в разводе).

В одиннадцать часов Терье позвонил в дверь Фолька, отдал ему наличные в коричневом пакете и подробно проинструктировал. Фольк записал и высказал ряд замечаний. Потом Терье снова вышел на улицу.

Падая мелкий снег – редкий и мокрый, обращавшийся в воду, едва касаясь земли. Терье опять сел в метро, доехал до Оперы и вернулся домой на такси.

Поднявшись на площадку, Мартен увидел, что дверь квартиры чуть приоткрыта. Он упал на одно колено, выхватил из-под пиджака оружие. Держа пистолет двумя руками и целясь в дверной проем, Мартен на миг замер. Дышал медленно, с открытым ртом, чтобы лучше слышать. Раздавались лишь отдаленный уличный шум и звуки пианино с четвертого этажа, на котором кто-то упорно и безуспешно штурмовал двенадцать первых тактов «Апассионаты».

Терье резко бросился вперед, плечом выбил дверь, нырком упал на середину комнаты. Лежа на спине, он навскидку обшарил взглядом и пушкой все стороны, медленно расслабился и опустил руки. Сомкнутые ладони и оружие легли на бедра. В квартире никого не было. Пианист с четвертого этажа оставил свои усилия. Теперь не слышалось даже тиканья будильника – потому что он был разбит. Мебель тоже разломана, кресла вспороты, постель изрезана, проигрыватель раскурочен. Чемоданы вскрыты ножом, вещи раскиданы по студии, разорваны и перепачканы. В кухне сорваны двери шкафчиков и перебита посуда.

Терье встал на ноги, убрал пистолет в холщовую кобуру под мышкой и закрыл входную дверь – хоть ее не взломали. Он прошел в кухню. На линолеуме виднелось месиво из горчицы, муки, сахара, специй, спиртного, битой посуды и отбросов.

– Судан! – ласково позвал Терье.

Он почмокал губами, подманивая кота, нахмурил брови. Мартен нагнулся и заглянул под кровать. Чертыхаясь сквозь зубы, вернулся в кухонный закуток.

На холодильнике, на листке бумаги в клетку, лежала маленькая связка ключей. Терье внимательно изучил ключи и послание, в котором говорилось: «Судана я забираю. Чтоб ты сдох». Алекс даже подписалась.

Терье сунул ключи в карман и покачал головой. Брови у него разгладились. Он ухмыльнулся в тишине и мотнул головой, угрюмо вглядываясь в разгром.

Ему понадобилось около трех часов, чтобы все убрать и расставить. Вещи, оставшиеся целыми, Терье откинул в сторону. Остальное бросил во вспоротые чемоданы, которые перевязал веревками и спустил в помойку вместе с остальным дерьмом. Ходить пришлось несколько раз. По пути Терье заглянул в ближайший магазин, купил чемодан и сумку. Вернувшись наверх, он сложил туда оставшееся добро.

Потом его губы крепко сжались. Он снял трубку уцелевшего телефона и набрал номер. Связь установилась после первого же звонка.

– Здравствуйте, не вешайте трубку, – произнес голос Алекс. – С вами говорит Алекс Метейе. Меня несколько часов не будет дома. После звукового сигнала сообщите ваше имя и номер телефона, чтобы я смогла вам перезвонить, когда вернусь.

Терье пожал плечами и повесил трубку. Он закончил дела, потом снова взялся за телефон, чтобы позвонить владельцу квартиры, который жил в том же доме, на втором этаже. Пока тот поднимался, Терье связался с гаражом и попросил подогнать машину.

– Ну и ну! – сказал хозяин квартиры, увидев разруху, и свистнул.

– Я решил не продлевать аренду, – сообщил Терье. – Все, что осталось от мебели, – ваше. Идет?

– Ну что ж, – произнес хозяин после минутного раздумья. – Не хочу быть гадом. А что случилось?

– У девушки сдали нервы. Знаете, как бывает.

—Красивая брюнетка? — Хозяин сделал глубокомысленную мину. — А так, вроде, и не подумаешь. Я видел, как она уходила — в начале дня. Не знаю, когда она пришла, кстати.

Он подмигнул Терье. Мартен повернулся к нему спиной. Зазвонил телефон. Терье снял трубку.

—Хочу поговорить с Луиджи.

Голос был свистящим, металлическим, ненормально высоким. Тот, кто находился на другом конце провода, использовал специальный прибор типа воксодера для искажения звука, или это был немой, которого научили говорить.

—Какой номер вы набираете? — спросил Терье.

Разговор прервался. Терье повесил трубку. Через секунду телефон затрещал снова.

—Алло?

—Не могу дозвониться до Луиджи Росси, — сказал измененный голос. — Я в ярости. Кто-то заплатит за это. Может быть — вы.

—Объясните, — сказал Терье.

Послышался звук, наверное — хихиканье. Связь прекратилась. Телефон молчал. Раздался звонок в дверь — парень из гаража пришел сказать, что «ситроен DS21» стоит у подъезда. Терье сунул ключи от машины в карман, дал служащему на чай, и тот удалился. Минуту спустя Мартен и хозяин квартиры вместе спускались по лестнице.

—Жалко терять вас, — заметил хозяин. — Вы были идеальным съемщиком. Спокойным, тихим и вообще... Насколько я понимаю... — Он заговорщицки улыбнулся Терье. — У вас есть свои тайные драмы.

—Я бы не назвал это драмой, — ответил Терье.

Было 17.30. Терье закинул багаж на заднее сиденье видавшего виды «ситроена», сел за руль и тронулся с места. Он проехал по объездной аллее в сторону Версальских ворот, потом встроился в медленный и очень плотный поток машин. Старый блекло-серый «форд-капри» с матовым черным капотом двигался следом за ним.

4

Чтобы выбраться на южное шоссе, Терье сделал разворот на забитой автомобилями площади Версальских ворот. Он заметил, что «форд-капри» делает то же самое. Сквозь потоки машин и выхлопных газов Мартен дотащился по наружным бульварам до Орлеанских ворот, выехал на съезд к автостраде, потом на само шоссе. «Капри» по-прежнему виднелся вдали.

К половине седьмого Терье удалился от Парижа всего километров на тридцать, но теперь движение становилось свободнее. «Капри» все еще маячил сзади. Терье довел скорость до 125 километров в час, «капри» — тоже. Он сбросил скорость до 90 километров в час. «Капри» держался на приличном расстоянии.

Приблизившись к зоне стоянки Эшер, Терье опять снизил скорость. Посмотрел, как спускаются сумерки и как движутся машины. Было еще светло, и автомобилей ехало много. Мартен периодически поглядывал в зеркало дальнего вида. Стемнело.

К половине одиннадцатого Терье был недалеко от Пуатье. Увидев табличку, предупреждавшую о зоне отдыха, он долго и плавно давил на педаль тормоза. Снижение скорости было постепенным, красные стоп-сигналы горели долго. Мартен свернул с шоссе, въехал под козырек бензоколонки, ему заправили полный бак, проверили машину и вымыли ветровое стекло.

«Капри» тоже понадобилось горючее. Машина встала под козырьком на некотором расстоянии от «ситроена». Терье пошел в туалет автозаправки пописать. Возвращаясь к своему автомобилю, он обогнул «капри» сзади и взглянул на своего преследователя, который не

покидал машины. Это был высокий худой парень с синюшным лицом, в черной кожаной куртке, черных очках, с копной взъерошенных черных волос. Терье подался к «ситроену», заплатил заправщику, сел за руль. Мокрый снег крутился в оранжевом свете фонарей. Мартен отъехал и припарковался на стоянке за кафе самообслуживания.

Интерьер ресторана был весь из оранжевого и черного пластика. Ни один человек тут не ужинал. Место было не такое, чтобы подолгу засиживаться за едой. Нагружая свой поднос, Терье увидел боковым зрением, что «капри» тоже въезжает на стоянку. Машина остановилась, но водитель не вышел.

Пока Терье ел, на паркинг прибыл «вольво». Из него появилась довольно симпатичная брюнетка лет сорока, с нежной кожей. Вместе с двумя детьми она подалась в кафе. Мальчишки задирали друг друга. Женщина приструнила одного, утешила другого – спокойно, терпеливо и твердо. Терье следил за происходящим внимательно и с одобрением. Посмотрев на капризных мальчишек, он чуть поджал губы.

Закончив есть, Терье вернулся в «ситроен». Он глянул в сторону «форда», стоявшего в тридцати метрах, – в этот момент там тлел огонек сигареты. Мартен перетащил чемодан к себе, открыл его на переднем сиденье, взял коробку, в которую перед отъездом сложил «Хеклер-Кох» 4. Присоединил к рамке ствол 32-го калибра, заполнил пулями магазин и прищелкнул его. Положил пистолет в боковой карман кожаного пальто и покинул машину. Было холодно. По краям стоянки намело сугробы. Оранжевые фонари светили тускло. Синюшный молодой человек сидел в «капри» и курил американскую сигарету. Он испуганно глянул на Терье, когда тот приблизился.

–Зачем ты за мной следишь? – спросил Мартен.

–Что вы сказали?

Терье сквозь открытое окно ударил молодого человека в переносицу рукояткой пистолета. Сигарета выпала. Оглушенный парень, сморщившись, ловил воздух тонкогубым ртом. Мартен открыл дверцу, сгреб молодого человека за горловину белого свитера и сорвал с сиденья. Уложил на землю. Парень пытался встать. Терье пнул его в голову, и тот затих. Мартен быстро обыскал его – минут через десять-пятнадцать заявится симпатичная мамаша с выводком и включит фары.

В карманах у синюшного парня лежал швейцарский ножик с выдвижными лезвиями, пластиковый кошелек, пачка «Винстон», газовая зажигалка и бумажник типа тех, что негры продают на тротуарах. Терье обнаружил в кошельке пятьсот франков новыми банкнотами по сто, соединенными скрепкой, три потрепанных бумажки по десять франков, талоны на заправку, удостоверение личности, карту соцстрахования, права, техпаспорт, автостраховку на имя Альфреда Шатона, разнорабочего, проживающего в Монрее, и еще любовное письмо от девицы. Это все. Альфред Шатон зашевелился. Терье пощипал его за виски, чтобы ускорить возвращение в сознание, потом сгреб в охапку, стукнул головой о корпус машины и, держа за волосы, протащил лицом по ручке задней дверцы. Наконец Мартен усадил парня на землю, привалив спиной к машине, и залепил пощечину.

–Перестаньте, господа, вы спятили! – заскулил Альфред. – Я ничего не знаю. Я стрелочник.

–Зачем ты за мной следил?

–Мне сказали.

–Кто?

–Кто-то.

Терье пнул его в селезенку. Альфреда согнуло в дугу, он завалился на бок, корчась и скуля на сверхвысокой частоте. Указательным и большим пальцем Терье зажал ему нос, вынуждая дышать ртом и не вопить, пока в пятидесяти метрах от них брюнетка с малышней садилась в «вольво», чтобы отъехать.

–И кто же? – повторил Терье. – Начать сначала?

–Пожалуйста, не надо. Парни. По фамилии Росси. Итальянцы.

Внезапно Терье вспомнил фамилию Росси. Вернее, Луиджи Росси в тот самый момент, когда он появился на мотоцикле у серпантина дороги, которая связывает Албенгу и Гарессо в Северной Италии. Терье в очках «Полароид», лежа между камнями под прикрытием сосновых веток, снял защитный кожух с пистолета, прицелился в мотоциклиста, задержал дыхание, нажал на спусковой крючок. Луиджи Росси полетел на мокрую дорогу, попытался встать. Вторая пуля калибра 7,62 попала ему в лоб, куски шлема и головы разлетелись в стороны. Луиджи Росси упал лицом на мокрую дорогу, мертвый наверняка. Терье быстро вернулся на лесную дорогу к 403-му «пежо» с зимней резиной и отправился в Турин.

Он вспомнил. В то время он только начинал работать. Мистер Кокс заплатил ему 20 000 франков.

–А имена у этих Росси есть?

–Мне не сказали.

–Они просто сообщили тебе, что их зовут Росси, – предположил Терье.

–Да. То есть нет. Я слышал, как они между собой разговаривали. Они братья – двоюродные или вроде того. Я не знаю.

–Они братья, а по имени друг друга не зовут – обращаются по фамилии?

–Я не знаю. Да.

–Думаю, ты сможешь мне их описать, – предложил Терье.

–Обязательно, – согласился синюшный молодой человек.

–Иди назад в свою тачку.

Альфред Шатон залез в «капри», морщась от страха и боли.

–Что вы со мной сделаете? Господи, я же только стрелочник! Я скажу вам все, что захотите.

–Это ты устроил погром в моей квартире?

–Что? Нет. Нет!

–Знаешь кто?

–Понятия не имею.

Терье сгреб его левой рукой за шкуру и оттащил в глубь машины. Одновременно сам сел за руль, вытащил пистолет и приставил конец ствола к горлу мертвенно-бледного парня.

–Главное – вообще не двигайся.

Шатон заморгал. Терье нажал кнопку прикуривателя. Молодой человек, замерев, следил за его движениями.

–Я выжгу тебе глаз, – сказал Терье.

–За что? За что! Вы спятили!

Парень заплакал. Прикуриватель со щелчком вернулся в исходное положение, готовый к использованию.

–Мне велели передать вам так! – закричал молодой человек. – Сказали, чтобы ехал за вами, а когда вы меня вычислите, я должен был сообщить, что работаю на Росси! Клянусь, это правда!

–Кто велел?

–Не знаю. Я их не знаю. Я вам их опишу.

–Не стоит, – решил Терье.

–Суки! – заорал синюшный парень. – Они обещали, что вы тихий, что, может, прижмете чуть-чуть, но надо просто сказать, что я стрелочник, назвать братьев Росси, тогда вы оставите меня в покое! Вы ведь теперь отпустите меня, правда?

–Ну конечно.

Терье чуть отодвинулся на сиденье, отвел ствол от горла молодого человека. Тот захныкал и стал тереть себе горло.

—Ой, спасибо, спасибо!

—Привет мистеру Коксу, — сказал Терье и выстрелил парню в сердце.

5

Около полуночи Терье остановился в очередном мотеле за восемьдесят километров от места, где он убил синюшного молодого человека. За стойкой регистрации при свете настольной лампы читала книжку крашенная блондинка с тонкими чертами лица, одетая в толстый темно-синий свитер в резинку и суконные брюки. Грудь и ресницы у нее были потрясающие. Терье дал бы ей лет двадцать шесть. Она вручила ему ключ.

—Что читаете? — спросил Мартен.

Она показала обложку.

—Про путешествие во времени, — сказала блондинка. — Смешно? Думаете, это для детей?

—Вовсе нет. Лично я путешествия во времени одобряю, — заметил Терье. — Как раз этим сейчас занят.

Девушка посмотрела на него устало и враждебно.

—Клеитесь?

—Да не особенно, — ответил Терье. — Спокойной ночи.

Он добрался до номера, сполоснулся, надел пижаму, взял телефон и попросил соединить его с номером Алекс. Был час ночи. Если Мартен разбудит ее — поделом. Но он снова попал на автоответчик. Дождался звукового сигнала. Ему нечего было сказать Алекс.

—Можешь оставить кота себе, дурочка, — наконец произнес Терье.

Ночью пошел снег. Терье покинул мотель, когда еще не рассвело. Снег по-прежнему падал. Мартен сразу же свернул с шоссе и направился на запад. Из-за непогоды продвигался медленно. Было около полудня, когда «ситроен» достиг Нозака. Здесь снега не наблюдалось.

На малой скорости Терье исколесил городок вдоль и поперек. На одной из окраин обнаружился белый приземистый парфюмерный заводик. В центре плотный поток машин шел медленно. Несколько раз Терье чуть не въехал под кирпич на улицах с односторонним движением. Вокруг здания субпрефектуры виднелись столбики парковочных автоматов, большинство из них украшала желтоватая наклейка с надписью «Нет платным парковкам в Нозаке!» и адресом комитета местных активистов.

В конце концов «ситроен» покинул центр и прибыл в квартал индивидуальной застройки, где остановился у небольшого фешенебельного особняка. Не выключая мотор, Терье шагнул на тротуар. Постоял секунду неподвижно. Казалось, он колебался. Вдруг Мартен подошел ко входу в дом и начал рассматривать почтовые ящики в подъезде. Из будки появилась консьержка родом с Антильских остров. Терье встал к ней спиной.

—Вы что-то ищете?

Он развернулся к консьержке, отрицательно покачал головой, потом кивнул.

—Мадемуазель Фре.

Консьержка озадаченно замерла, потом вскинула голову.

—Господин Фре и его супруга скончались, — сказала она.

—Я не знал. А дочь?

—Мадам Шрадер? — уточнила антилька. — Мадам Шрадер? — нетерпеливо переспросила она, поскольку Терье не отвечал.

—Да, — наконец произнес Терье. Вокруг его губ появилась тонкая белая полоска.

—Она живет не так далеко, — сообщила консьержка. — Сейчас найду вам точный адрес.

Она вернулась в будку, оставив стеклянную дверь открытой. Терье развернулся. Когда антилька появилась с бумажкой в руке, он уже сел в «ситроен» и тронулся с места.

Мартен пообедал в центре. Наружный декор пивной «Брассери де Флер» датировался XIX веком, недавно его отреставрировали. Внутри было полно отсеков с кожаной обивкой, низких деревянных перегородок, панно из матового стекла с рисунком и прочих совершенно новых деталей. Посетителей собралось мало. Терье устроился в одном из отсеков. Подошел тощий гарсон лет шестидесяти в длинной блузе и черном пиджаке. Терье пристально посмотрел на него, попросил свиную колбаску и мюнхенское пиво. Официант принял заказ и удалился. Когда он вернулся с едой и пол-литровой кружкой пива, Терье тремя пальцами тронул гарсона за локоть.

— Не признаешь меня, Деде?

Официант с удивлением глянул на него, потом набрал воздуха в легкие. В его красных глазах стояли слезы.

— Твою мать! — прошептал он.

Терье пригласил его сесть. Деде опасливо покосился в сторону кухни и кассы, сказал, что не может.

— Мне надо обслуживать зал, — объяснил он. — Мартен Терье! Вот дела, твою мать! — Он вытер глаза и лоб тряпкой, которой убирал столы. — Ты стал джентльменом. Видел бы твой отец!

— Он бы только разозлился, — заметил Терье.

— У тебя бизнес?

— Точно.

— Ты приехал навестить этот сучий город. Вернулся, чтобы нассать им на головы.

— Не совсем так, — сказал Терье.

Злобно улыбаясь, Деде покачал головой. Он смотрел в пустоту, а не на Терье. Тот приступил к свиной колбаске — она была резиновой.

— Ты тут не задерживайся, знаешь, — шепнул Деде.

— Не понял?

— Паршивое тут место. Мы бы с твоим отцом много чего сделали, если б только остались в Париже. Здесь жить не надо.

— Согласен.

— Деде! — заорал от кассы какой-то мелкий начальник с крысиной мордой и усиками в три волосины.

Деде что-то буркнул, кивнул в сторону Терье и неохотно отошел. Терье заставил себя съесть половину того, что ему дали, не взял ни десерта, ни кофе, положил на стол сумму, указанную в кассовом чеке, плюс солидные чаевые, и вышел из пивной, больше не увидав Деде.

В «ситроене» он раскрыл мишленовский путеводитель. В Нозаке имелись полдюжины низкосортных отелей и два заведения поприличней, но ветхих. Один из них удостоился черной отметки с расшифровкой «тихий»; второй — красной с расшифровкой «очень тихий». Терье завел мотор и отправился во второй отель.

Это было стоявшее в глубине французского парка высокое здание из светлого камня под черепичной крышей, с кучей башенок и большими деревянными ставнями, на которых облупливалась краска. Среди щебня на подъездной аллее чавкала грязь. На центральной лужайке валялась пустая банка из-под пива «Кроненбург». В воздухе вокруг садового гнома витало амбре топленого жира. Внутри было получше, но пыльно. Множество ковров, гардин, лакированного дерева. Молодой администратор в бордовом пиджаке, идеально причесанная горничная в качестве рассыльного, которой Терье отдал свою дорожную сумку. В очень тесном лифте, явно добавленном к зданию позже, они добрались до второго, послед-

него, этажа. Номер был просторным. Высокие потолки и лепнина, очень большая кровать, старинная мебель. На ванне виднелись подтеки ржавчины, но она была огромной и массивной. Минибар отсутствовал. Терье заказал себе бутылку виски «Джей энд Би», лед, упаковку имбирного эля, а также местный телефонный справочник. Он наполнил бокал, снял трубку и позвонил Анне.

– Это Анна Шрадер, – ответила она. – Слушаю.

– Это Мартен, – представился Терье.

– Алло? Какой номер вы набираете?

– Анна, это Мартен Терье. Я в городе.

– Вы ошиблись, – сказал голос бесстрастно. Анна повесила трубку.

Терье вздохнул. Посидев секунду неподвижно, он открыл раздел профессиональной информации и нашел телефон производителя электронного оборудования (на самом деле речь шла о заводике, который занимался сборкой проигрывателей из плат, изготовленных в другом месте). Мартен набрал номер и попросил Феликса Шрадера. Его попросили представиться. Он назвал. Мартена соединили с Феликсом.

– Та-там! – воскликнул Феликс Шрадер. – Мартен Терье! Неужели? Где ты? – Голос у него был ломким. Феликс пытался говорить баритоном, но срывался на писк в конце каждого восклицания.

– В городе. Я вернулся.

– Вернулся? Надолго?

– Пока не знаю.

– Потрясающе! – Феликс, казалось, действительно обрадовался. – Выпьем вместе? Постой! – Терье подождал. – А не хочешь зайти к нам – перекусить? – спросил Феликс после паузы.

– Мне неловко.

Феликс сказал, что не должно быть ничего подобного – он ждет Мартена сегодня же.

– Скажи-ка, ты знаешь, что я женился на Анне Фре? – спросил Феликс.

– Мне сообщили. Поздравляю.

– Не с чем... Я дам тебе адрес. В восемь вечера, идет?

Терье согласился, записал адрес. Вытянулся на кровати, скрестив ладони под головой. Бокал остался стоять на расстоянии вытянутой руки.

Позднее Мартен рывком проснулся, в поту и с вязкостью во рту. Снаружи и в комнате стемнело, он зажег свет. Из зеркала шкафа угрюмо глянуло его собственное желтое отражение. Было 19.00.

Из-за урона, нанесенного гардеробу Терье при разгроме квартиры, выбор одежды у него был небольшим. Он прошел в ванную, взяв сине-пепельный костюм, голубую рубашку и галстук в синюю полоску. Принял душ, побрился и переоделся. Как он ни усердствовал, чистя зубы, от металлического привкуса во рту избавиться не удалось.

Когда Терье спустился, холл отеля был ярко освещен. Постояльцы, беседуя, направлялись к бару – две-три состоятельные пары и группа громко говоривших мужчин. У всех у них за плечами немало лет и еще больше денег.

В киоске по соседству продавались газеты, сигареты, всякие безделушки. Терье купил пачку «Голуаз» и взглянул на прессу. На первой странице «Франс Суар» была напечатана плохая фотография Алекс. Терье купил газету, пошел в машину, стоящую на подъездной аллее. Он взглянул на часы и зажег потолочный светильник, чтобы прочесть, что писали про Алекс.

Ее убили между полуночью и тремя часами утра, предварительно изнасиловав и подвергнув пыткам. Тело обнаружила утром уборщица. По свидетельству соседей, молодая

женщина вела свободный образ жизни. Следствие считает, что нападавших было не менее трех. Полиция располагает серьезными уликами.

Читая, Терье поднес большой и указательный пальцы к лицу и машинально тер бровь. Потом кинул газету на пол «ситроена», выключил верхний свет, ладонью разгладил лоб. На мгновение он как будто задумался. Не похоже, что Мартен испытал потрясение. Может быть, легкую жалость. Он наверняка о чем-то думал: его лицо напряглось.

Через секунду Терье цокнул языком, выключил свет в салоне и тронулся с места. Он хмурил брови на всем протяжении пути.

Дом Шрадеров оказался чем-то вроде элегантного шале из дерева, выкрашенного в белое и ярко-синее, посреди ухоженного сада, в квартале аналогичных особняков. Над входной дверью имелся деревянный козырек, под ним – электрический фонарь, который зажегся вскоре после того, как Терье позвонил. Когда в открытой двери показалась Анна, она была ярко освещена и точно так же красива, как в его памяти.

6

Мартен помнил. Анна Фре обещала ему ждать десять лет.

– Дай мне десять лет, – попросил Мартен. – Если повезет, то, может, меньше. Если нет – понадобится десять лет. Я все рассчитал.

Анна поклялась ждать. Она поцеловала его и заплакала. Ей шестнадцать с половиной, Мартену восемнадцать, он высокий, сильный, глупый и расчетливый. И планы у него дурацкие.

В ту же ночь он простился с Деде. Отцу не сказал ничего. Шарль Терье, отец Мартена, приехал в Нозак вскоре после Второй мировой войны в сопровождении беременной жены и приятеля, Деде. Оба только что сколотили небольшую сумму на тряпье и металлоломе – в основном на сборе цветных металлов. В то время утильщики – мелкие и покрупнее, в большинстве своем овернцы – грызлись за доступ к утилизации военных складов с помощью взяток, махинаций, зачастую обкрадывая друг друга, иногда постреливая. Шарль Терье получил в голову пулю из маузера, она там засела и вызывала у него приступы безумия, особенно, если он выпивал. Шарль бросил употреблять спиртное. По рассказам Деде, до травмы он был сообразительным. Потом женился на стерве. Деде уговорил его уехать подальше от Парижа, где начинало пахнуть жареным, и осесть на юго-западе – перейти на разведение норки.

– Здоровая жизнь, – рассуждал Деде – Снова человеком станешь.

Норки сдохли, деньги пропали. Родился Мартен, и его мать смылась с одним дальнобойщиком, застрявшем на пару дней в Нозаке из-за лопнувшей оси. Мартена мать бросила. Шарль Терье держал паренька в ежовых рукавицах. Деде тоже занимался Терье младшим, но был мягче и гибче. Позже, когда Шарль Терье захотел послать сына работать, Деде уговорил дать парню доучиться в лицее. Тот же Деде на шестнадцатилетие отвез Мартена в Париж и с помощью шлюхи из квартала Мадлен растолковал, что к чему. Плюс купил скутер.

В лицее Мартен водился с буржуйскими сынками – те одолжили у него скутер. Благодаря мопеду он попал в компанию богачей и тут же по уши влюбился в Анну Фре, которая носила дорогую одежду, тончайшие капроновые чулки и душилась «Герлен».

Все хотели Анну Фре, но та только смеялась, встряхивала волосами, ускользала и не давалась никому. Мартен за немалые деньги купил заочный курс бодиболдинга. Но у девушек обеспеченного класса он не пользовался успехом, они считали Терье немного вульгарным. Он наверстывал на стороне, даже вступил в связь со сборщицей с предприятия Фре. Но его страсть не могла довольствоваться такой девицей.

Однажды субботним вечером Анна попросила Мартена проводить ее до дома после вечеринки, где все танцевали под Майлза Дэвиса, и они страстно поцеловались. Потом Терье сказал: Анна выбрала его в качестве сопровождающего, чтобы не приставали другие. Она бурно воспротестовала. Мартен заметил, что стесняется своего низкого происхождения, и Анна снова горячо возразила, мол, она считает: Мартен совсем не такая дубина, как остальные, и именно по причине его социального происхождения. Другие – избалованные мальчишки. А он – нет. Мол, Мартен знает о трудностях реальной жизни, летом работает, а не ездит отдыхать, он вынужден бороться, чтобы попасть наверх, и все это делает его человеком зрелым и глубоким, – заключила Анна.

Но когда Мартен языком раздвинул ей губы, она казалась удивленной, а когда он попытался прижаться к ней, – высвободилась. Анна бросила «спокойной ночи» и убежала, немного раскрасневшись, в тот фешенебельный особняк, в котором позже появится антильская консьержка.

В следующую субботу Мартен сказал Анне, что любит ее. Потом все пошло своим чередом. Во время летних каникул Анна не часто отвечала на письма Мартена, оставшегося в Нозаке работать. Но в новом учебном году она целовалась уже охотнее и соглашалась на более смелые ласки.

В начале декабря изумленный Мартен получил приглашение на ужин в семейство Фре. По такому случаю он надел галстук и позаимствовал у отца рубашку с запонками. За столом, под перекрестным огнем вопросов со стороны родителей Анны, он отвечал неудачно и путался в столовых приборах. Захмелев от выпитого поочередно белого и красного вина, Терье стал болтливым и больше не контролировал лексику.

После ужина папаша Фре увел парня в свой кабинет. Он дал понять молодому человеку, что того ждет совсем не блестящее будущее, Анна же должна со временем выйти за человека своего круга. В заключение он потребовал от Мартена прекратить встречаться с дочерью и выпустил мальчика на улицу с черного входа.

В ту ночь, обезумев от ярости и унижения, Мартен чуть не подрался с отцом, потому что Шарль Терье был пьян и придирался к сыну по поводу взятой рубашки и запонок. К счастью, у отца случился очередной приступ до того, как дело приняло дурной оборот.

В последнее время Шарль Терье снова стал пить. Дружки Мартена как-то угостили его спиртным в пивной, где Шарль работал официантом. Последовавшие затем изменения в его поведении сильно их позабавили. Затем они стали поить его снова и снова, дразнили Шарля Терье шавкой.

Когда официанту из-за неприличного поведения дали расчет, пристыженные и озадаченные балбесы встретились с Шарлем Терье и вместе с ним затеяли поход по барам. Напившись, Шарль опять начал паясничать. На рассвете у него случился приступ дикого гнева. Оставшиеся оболтусы веселились. Шарль Терье шатался по пустым улицам и кричал, что отсюда надо валить. Потом он угнал чужой мотоцикл, на первом же повороте потерял равновесие и разбил череп о поребрик.

–Я вернусь и убью их, они у меня дерьмо жрать будут, – пообещал на рассвете Мартен семейному приятелю, Деде.

Перед этим Терье поцеловал Анну Фре, и она поклялась ждать его десять лет.

Даже если б отец не умер, Мартену нечего было сказать ему на прощанье. В то утро он, не дожидаясь похорон, сел в поезд, доехал до Тулузы и записался в армию.

7

И еще он помнил вот что...

–А вы что, ничего не скажете? – спросила итальянская журналистка.

Терье пожал плечами.

–Ничего такого, что было бы вам интересно.

Двое других белых солдат только что долго трендели про свои корни, про бойцовский характер и еще – после некоторого нажима – про идеологические убеждения, мол, надо же кому-то встать на пути проникновения коммунизма в Африку. Один был англичанином, другой немцем. Они, Терье, журналистка и сопровождавший ее бородатый негр довольно продвинутого вида, одетый в форму правительственных войск без знаков различия, находились в разгромленном салоне каменного отеля. Вентиляторы не работали, окна были выбиты, за баром виднелась куча нечистот, хотя сортир находился в двух метрах от стойки. За осколками стекол лежала улица, пустынная и раскаленная добела. Посреди нее все еще валялся одетый в шорты труп повстанца лет пятнадцати, которого солдаты правительства забили насмерть незадолго до приезда журналистки. В километре-двух периодически слышалась стрельба.

Журналистка с интересом смотрела на Терье, и тот смущенно ответил, что у него вроде такое же прошлое, как и у других, только сначала он отслужил во Франции в армии, в десантных войсках.

–А драться вы любите?

Терье пожал плечами.

–Не особо.

–Почему вы здесь? Из идейных соображений?

Журналистка что-то записывала в маленький блокнот. У нее были короткие светлые волосы и черные глаза. Довольно крупная, полноватая, сексапильная, в камуфляже. Когда она говорила, было видно, как за белыми зубами двигался язык.

–Нет, – ответил Терье смущенно. – Я только ради денег.

–Мне это интересно, – сказала журналистка. – Вы и ваши коллеги всегда начинаете с того, что приехали ради денег. А если копнуть, обнаруживается другое. На самом деле мне хочется найти того, кто прибыл сюда только чтобы заработать. – По-французски она говорила безупречно. – Но я в это не верю. Рисковать жизнью исключительно ради обогащения – бывает ли такое, понимаете? Я спрашиваю себя. – Она постучала карандашом по своим белым резцам.

–Ну, у меня в жизни есть план, – пробормотал Терье.

–План жизни? – Итальянка округлила брови.

–Да ладно, бросьте, – ответил Терье.

Он встретился взглядом с бородатым негром, одетым в форму без знаков различия. Негр чуть улыбался.

–Так что за план жизни? – настаивала итальянка.

–Блин, – сказал Терье. – Хочу накопить денег. Дал себе на это десять лет. Потом завязываю и начинаю новую жизнь.

–Кем?

–Это вас не касается, мадам.

Итальянка смотрела на него с улыбкой, ее черные глаза смеялись и, может быть, немного заманивали.

Вдруг распахнулась дверь сортира. Оттуда вылетел тринадцатилетний негр в шортах цвета хаки и в красной каске. Он с воплем открыл огонь по присутствовавшим.

За пять секунд раздалось где-то пятнадцать или семнадцать выстрелов. Когда снова настала тишина, немец, англичанин и итальянка лежали, уткнувшись носом в пол. Снайпер-подросток сидел возле дверного проема в сортир, без красной каски, с дырками в сердце и на лице – мертвый. Терье и негр стояли в безупречной стойке, сжимая обеими руками теплые автоматические пистолеты. Они оценивающе посмотрели друг на друга и обменялись едва заметными улыбками. Те, что лежали, вжавшись в пол, начали подниматься, лица у них

были зелеными. Негр в форме без знаков различия расслабился, хлопнул Терье по плечу, подошел к труп и забрал у него оружие.

—Интересно, какие суки продали им «армалайты»... — заметил он. Негр тоже превосходно говорил по-французски.

Терье хотел что-то ответить, но вдруг правая нога резко согнулась, и он оказался на полу. Потряс головой. Бедро болело, из него хлестала кровь.

—Давящую повязку, — выговорил он с трудом.

Позже, совершенно оглушенный и горящий в лихорадке, Терье лежал в кровати в гостинице. Ставни закрыты, окно за ними — распахнуто. Слышно, как далеко, километров за десять, стреляла артиллерия. Негр Стэнли сидел в изголовье кровати с бутылкой водки и лимонами и, улыбаясь, смотрел на Мартена. Кожа у Стэнли до того черная, что если он не улыбался, в темноте его почти не видно. Между артиллерийскими залпами доносились жуткие стоны откуда-то из отеля. Похоже, пытали пленного. Но если прислушаться, становилось ясно, что это итальянская журналистка трахалась с мужиком.

—Для вас эта война кончена, — заметил Стэнли. — С таким бедром вы меньше месяца не проваляетесь. Есть планы на дальнейшее?

—Нет.

—У меня к вам предложение, — сказал Стэнли. — Ваша реакция сегодня утром была выше всяких похвал.

—Что? — спросил ничего не понимающий Терье.

—Все залегли, — ответил Стэнли.

—А, да, — буркнул Терье. — Да.

—У меня предложение, — повторил Стэнли.

Так Мартена Терье взяли на работу.

8

Анна Фре, в замужестве Шрадер, отрицательно мотнула головой, когда Терье протянул ей блюдо с фруктами. Она встала из-за стола, отошла, рухнула в кресло в углу комнаты, затягиваясь сигаретой «Кент» и глядя в пустоту. Терье взял апельсин, стал безупречно снимать с него шкурку с помощью ножа и вилки. Феликс Шрадер смотрел на него пристально и добродушно.

—А ты вообще чем занимался?

—Работа с персоналом, — ответил Терье. — Большая контора.

—Поездил по миру?

Терье на секунду поднял глаза от апельсина и встретил добродушный взгляд Феликса — Немного.

Феликс встал, прошел сквозь открытые стеклянные двери и стал что-то нашаривать в полутьме смежного кабинета. Все стены вокруг него были закрыты книжными переплетами. Он задвинул ящик, вернулся в освещенный салон с обувной коробкой. Анна коротко и быстро дернула головой, чуть поджала губы. Феликс открыл картонку, опрокинул ее содержимое на скатерть. Рассыпались почтовые открытки — штук двенадцать-пятнадцать. Они были отправлены из разных городов: из Найроби, Женева, Лос-Анджелеса, Коломбо, Киото, Берлина, Триполи, Манауса и других мест. Текста не было — только имя мадемуазель Анны Фре и ее прежний адрес.

—Это ты посылал? — спросил Феликс.

—А-а-а, — протянул Терье. — Ну да.

—Я думала, ты их выбросил, — произнесла Анна, не глядя на Феликса.

Муж улыбнулся ей. Анна зажгла новую сигарету, прикурив от предыдущей. Встала, открыла маленький застекленный буфет и налила себе в мерную рюмку примерно двадцать кубиков «Мартель».

– Тебе не кажется, что на сегодня хватит? – заметил Феликс.

– Пошел на фиг.

Анна резко села на место. Она была довольно высокой молодой женщиной, хорошо сложенной, с тугой грудью, щедрым ртом, бледной кожей и русыми волосами. Ее очень светлые зеленые глаза, казалось, не выражали никакой мысли. На коже в уголках век и рта виднелись тонкие черточки.

Анна выпила глоток коньяка.

– Я приехал, чтобы увезти Анну с собой, – внезапно сказал Терье, откладывая салфетку.

Феликс, стоя, опираясь на стол расставленными пальцами, смотрел на него с задумчивой полуулыбкой.

– Это не мне надо говорить, – отозвался он. – А даме.

Терье встал. Едва заметно пошатнулся.

– Анна... – начал он.

Она поднялась и залпом допила коньяк.

– Я хочу спать. Пошла наверх. – Язык у нее чуть заплетался.

– Анна, – повторил Терье. – Анна, черт побери!

Не глядя ни на кого, молодая женщина покинула комнату. Терье сделал движение удерживать ее. Феликс шагнул в сторону. Мартен чуть не задел его.

– Сварить кофе? – предложил Феликс. – У меня итальянская кофеварка, кофе получается потрясающий. Умеешь играть в «Эрудит»?

– Чего? – Терье посмотрел на него, как на сумасшедшего.

– Кофе? – повторил Феликс любезно.

У него были черные глаза и волосы, матовое лицо южанина с чуть выступающими скулами, длинный нос с горбинкой. Феликс ниже Терье и поуже в плечах, он казался моложе года на три-четыре. На нем серые вельветовые штаны, спортивная рубашка и домашняя байковая куртка.

– Значит, ты не хочешь моего кофе? – сказал Феликс с комическими огорчением.

– Черт, вы что, сдурели?! – воскликнул Терье, поднял руки, стукнул себя по бедрам кулаками, потом выдохнул через рот, сделал шаг назад, мотнул головой и как будто успокоился.

– А что? Что? – спросил Феликс нетерпеливо. – Хочешь мое мнение? Тебе нужно мое мнение? Нужно? А мне плевать! Плевать! – крикнул он. И добавил спокойно: – Это у тебя с головой не все в порядке.

Терье, как слепой, шагнул вперед, вытянутой правой рукой хотел отодвинуть Феликса с дороги. Тот попятился.

– Мне надо поговорить с Анной, – потребовал Терье.

– Она напилась. Заснула. Храпит. – Феликс хихикнул.

Терье ударил Феликса по губам тыльной стороной ладони, тот отлетел на шаг назад.

– Приезжай на выходные, – предложил Феликс. Он потрогал пальцем губу, потом посмотрел на кончик пальца. – Помнишь хижину? Мы часто проводим там выходные. В эти тоже поедem. Подгребай в субботу, ладно?

Терье гневно посмотрел на него.

– Ой, – произнес Феликс со смехом. – Ты меня что, убить собираешься?

– Прости, – пробормотал Терье.

–Ничего страшного. – Феликс легонько похлопал Терье по руке. – Затруднительная, конечно, у тебя ситауция. Хотя в общем-то нет. Да и пошло оно все! – Он повернулся к Терье спиной. – Не хочешь кофе? Спиртного? Партию в «Эрудит»? Тогда давай в субботу.

–Давай, – пробурчал Терье.

Он отвернулся, быстро прошел к выходу, схватив по дороге в прихожей свое кожаное пальто. Добрался до «ситроена», сразу тронулся и вернулся в отель. Стояла полночь.

–Вам кто-то принес пакет, – сообщил дежурный администратор в бордовом пиджаке, вручая ключ.

–Дайте.

–Горничная отнесла наверх.

–Понятно, – сказал Терье.

–Здорово тяжелая штука, – крикнул администратор, когда Мартен входил в тесный лифт.

Открыв замок своего номера, Терье тихо отодвинул дверь ногой, зажег электричество, настороженно осмотрел комнату и огромный обвязанный лентами сверток на ковре. Переждав секунду, он ступил внутрь и запер дверь. Заглянул в шкаф и в ванную комнату. Потом обошел сверток, разглядел его со всех сторон. Порылся в чемодане, достал ножик «Опинель». Присев на корточки возле свертка, Мартен несколько раз потыкал лезвием в бумагу, везде натываясь на что-то твердое. Наконец он перерезал ленты, потом тем же ножом полоснул бумагу и стал отрывать кусками. Появились углы из пластика и металла, потом стенки прозрачного стекла, за которыми угадывалась какая-то мерзость. Терье сорвал последние куски бумаги.

Внутри свертка находился запечатанный аквариум с водой. В аквариуме плавал домашний кот Судан со вспоротым брюхом и выколотыми глазами. Его кишки тихо плескались в коричневой от крови воде.

9

Терье немного постоял, потом вытащил из чемодана коробку с «Хеклер-Кох» 4 и раскрыл ее на кровати. Различные элементы оружия, как и прежде, лежали на своих местах. Мартен снова присоединил к рамке ствол и положил автоматический пистолет в карман пиджака. Потом позвонил администратору за стойкой, стал расспрашивать.

–Ну, на самом деле посетитель не представился, – сообщил парень в бордовом пиджаке.

–Опишите его.

–Ну, я не знаю, мне сказали, что это вообще-то сюрприз! Вот так.

–Твою мать! – нетерпеливо выдохнул Терье.

–Извините, месье, – сказал дежурный как будто пораженным и озабоченным тоном. – Что-то не так?

–Все в порядке. Опишите мне этого человека.

–Это была дама, – начал администратор. – Не знаю, как описать... Волосы черные, короткие, прическа в виде шлема. Сейчас многие такие носят, с челкой – представляете? Глаза голубые, нос тонкий и длинный, уголки рта немного опущены, как у Жанны Моро – актриса такая, знаете? Рост средний, может быть, метр шестьдесят три. Плащ темно-синий нейлоновый, застегнут до самого верха. Синие кожаные сапоги. В руке у нее была шляпка от дождя, из такой же ткани, как плащ... Ах да, высокие перчатки из синей кожи. Она курила сигарету с фильтром. Дала мне двадцать франков – две монеты по десять. Вот, пожалуй, и все. Впрочем... Если позволите высказать мнение, месье, кожа у нее склонна к сухости. Щеки розовые, понимаете? Но как будто обгорели на солнце – или из-за плохого кровооб-

ращения. Не то чтобы прямо купероз, потому что даме лет тридцать, но все же... Такой цвет лица бывает иногда у англичанок или скандинавок. Боюсь, не смогу припомнить что-либо еще. Я не очень наблюдателен и не особенно к ней присматривался.

—А то!

—Простите? — произнес дежурный.

—Так, ничего. Она прибыла и удалилась на машине?

—Полагаю. Мне об этом ничего не известно.

—Как вас зовут?

—Филипп, местье.

—Так вот, Филипп, предупредите меня немедленно, если она появится снова. Вас ждут чаевые. В любом случае. Спасибо.

—Не за что в общем-то, местье.

—Спокойной ночи, — произнес Терье.

Он мягко опустил трубку, покачал головой и улыбнулся. Потом улыбка исчезла. Мартен вернулся к развернутому пакету с посылкой, полностью освободил аквариум от упаковки. Показался прямоугольник картона, на котором от руки большими буквами было написано: «С ПРИВЕТОМ ОТ ЛУИДЖИ РОССИ». Терье тщательно изучил карточку, потом упаковочную бумагу и ленты, даже посмотрел их на свет, поднеся к прикроватной лампе, затем сунул все в мусорную корзину, предварительно разорвав записку на мелкие кусочки.

Он погасил в комнате все лампы, встал к окну, всматриваясь во влажную ночь и в желтоватый полусвет, падавший теперь от приглушенных уличных фонарей на ступени портика, на гравий подъездной аллеи, на несколько машин — темных, неподвижных, пустых. Автомобили блестели.

Поставив аквариум на дно шкафа, закрыв ставни и задернув шторы, Мартен Терье проспал, с пистолетом под подушкой, примерно до восьми утра.

Когда он отъехал от отеля, то незаметно поглядывал по сторонам и в зеркало заднего вида. Временами вел машину очень быстро, а иногда очень медленно. Впечатления, что какой-нибудь автомобиль преследует его, не возникало.

...Теперь кучи мусора снабдили табличкой с надписью «Свалка запрещена», но по склону стелился все тот же развал битых бутылок, дынных корок, консервных банок, ржавых пружин, почерневших тряпок, разломанных целлулоидных пупсов. Терье остановил машину на ближайшей насыпи. Когда дорога опустела, он швырнул аквариум в пустоту. Тот один раз подпрыгнул, при втором ударе раскололся и полетел дальше, дробясь, разлетаясь мелкими брызгами стекол. Вода выплескивалась, куски мертвого кота прыгали во все стороны. Останки удалялись, расплющивались и разлетались до самого низа конуса отвала, пока не стали просто веером отбросов — неясных и неподвижных.

Терье вернулся в машину, сел за руль и на минуту застыл, часто поглядывая в зеркало заднего вида. По мокрой дороге быстро проехало несколько автомобилей. Больше ничего не случилось.

Терье двинул назад, добрался до центра Нозака. На почте, в телефоне-автомате, набрал парижский номер.

—Ты где? — спросил Стэнли.

Терье не ответил. Он сообщил Стэнли тот минимум, который счел необходимым: о звонках перед отъездом из Парижа, разгромленной квартире, Луиджи Росси, смерти Алекса и кота.

—Вот сволочи, — сказал Стэнли.

—Есть какие-то соображения на этот счет?

—Нет. Тебе надо вернуться, Кристиан.

—Попробуй навести справки.

–Если возвратишься, контора будет охранять тебя, – заверил Стэнли.

–Попробуй навести справки – повторил Терье. – Я перезвоню.

Он повесил трубку и отправился в отель.

Мартена ждало сообщение: звонила Анна, она потом сама свяжется, сейчас ее нет дома. Терье дал сто франков дежурному администратору Филиппу.

–Это обещанные чаевые, – пояснил Мартен. Он взглянул на часы. – Вы дежурите круглые сутки?

–С семи утра до часу ночи, – ответил Филипп.

–Надорветесь, – заметил Терье.

–Это временно, – сказал дежурный. – У меня большие планы.

Терье покачал головой и поднялся в номер. Он вспотел. Мартен прошел в ванную, посмотрел на излив душа, потом вернулся в комнату, глянул на телефон. В конце концов, присел, схватил стакан, где немного скотча было разбавлено в тепловатом имбирном эле. Тут же вскочил на ноги, прислонился горячим лбом к ледяному оконному стеклу. Ничего не видя, Терье устался на маленький парк и лужайку. В этот момент на аллее показался «моррис», за рулем которого была Анна. Мартен наблюдал за тем, как она останавливается и выходит из крохотного автомобиля. Она вошла в гостиницу. Терье бросился в ванную, по пути сдирая рубашку. Сполоснулся, прыснул дезодорантом, натянул чистую белую рубашку. Зазвонил телефон.

–Мартен? Это я.

–Быстро поднимайся.

–Я звоню тебе из дома, – сказала Анна.

–Неправда, ты в холле, – ответил Терье. – Быстро поднимайся. – Одной рукой он неловко запихивал в брюки полы рубашки.

–Ладно.

Через минуту послышалось царапанье в дверь.

–Я ненадолго, – сразу предупредила Анна, проскальзывая в полуоткрытую дверь.

Терье защелкнул замок. Молодая женщина встала посреди комнаты и огляделась вокруг, как будто рассматривая мебель. Глаза ее по-прежнему не выражали никакой мысли.

–Я ненадолго, – повторила она. – Просто хотела сказать, чтобы ты больше не думал... – Она заколебалась. – Дашь мне выпить? – спросила Анна.

Терье налил. Она быстро опрокинула в себя поток неразбавленного спиртного, потом цокнула языком и протянула бокал за имбирным элем – Терье держал в руках маленькую бутылку. Он налил. Мартен посматривал на нее со страхом, из-под полуопущенных век, как ящерица на солнце.

–Я пришла сказать, что мы уже не те, – объяснила Анна. Она осушила стакан.

Терье иронично улыбнулся и налил приличную порцию виски «Джей энд Би». Анна со вздохом опустилась на кровать и отпила из бокала. Терье сел рядом, обхватил ладонями ее голову, стал целовать. Она не сопротивлялась. Губы у нее были пассивными, прилежными, тугими и пахли скотчем.

–Перестань, – прошептала она.

Терье отпустил ее, сказал:

–Раздевайся.

Анна почти полностью обнажилась.

–И трусы, – потребовал Терье.

Она сняла нижнее белье, легла в кровать и, закрыв глаза, отвернулась к стене. Терье поспешно разделся, чуть не упал, стягивая носки, и тоже залез в постель. Он не осмеливался дотронуться до Анны, потому что руки у него были ледяными. Секунду они пролежали не двигаясь. Терье вдруг заметил, что эрекция спадает. Он хотел положить холодную ладонь на

бедро молодой женщины, но она толкнула его локтем и, перешагнув через него, выскочила из кровати. Анна схватила одежду, скрылась в ванной, закрывшись на замок. Терье оделся, зажег папиросу. Руки тряслись. Анна, полностью одетая, появилась снова.

— Мне надо домой, — сказала она. — Все равно это было не очень важно.

Терье ничего не ответил. Мышцы вокруг его рта напряглись. Анна подобрала стоявший на полу бокал и опрокинула внутрь. Потом с красными щеками бросилась вон из комнаты.

10

Докурив, Терье принял душ. Потом он покинул отель, сел в машину. Мартен отъехал в горы, в безлюдное место — заброшенный карьер — и потренировался стрелять из «Хеклер-Кох» 4. Вернулся в гостиницу и выпил восемь порций скотча. Кожа на скулах и возле глаз побагровела. В 20.30 Терье снова оставил отель и отправился в «Брассери де Флер».

Пивная была полна света и тепла. Терье, улыбнувшись, уселся за столик неподалеку от рыжей девицы в зеленом платье, которую заметил при входе. Она была маленькой и пухлой, с шапкой кудрявых волос, толстыми гладкими руками, мягкими и бледными. Рядом сидели двое парней, они наклонялись к ней, отпуская разные шуточки, от которых сами громко смеялись. Терье заказал ознакомительное меню. Обслуживал не Деде — он был занят в другой части зала и не заметил Терье.

Мартен ел, наблюдая за рыжей девицей. Блюда ознакомительного меню оказались редкостной дрянью.

Под конец ужина, проглотив несколько рюмок коньяка, Терье кинул на стол банкноты и, слегка пошатываясь, направился к рыжей девушке. Она смотрела на Мартена и слизывала красным языком расплавленный сахар со дна кофейной чашки.

— Не выйдете со мной на секунду? — спросил Терье. — Мне надо что-то сказать вам.

— Иди пропись, кореш, — отозвался один из спутников девицы.

Терье взял кофейную чашку того, кто это произнес — худого парня в костюме в клеточку, — и вылил ему на голову. Деде заметил Терье и с озабоченным видом направился к нему, держа под правой рукой круглый поднос. Парень встал, опрокинув стул, и сжал кулаки. Кофе тек у него по лицу. Рыжая девица запоздало прыснула и сразу прикусила кулак. Терье хлопнул худого парня двумя ладонями по ушам. Парень скривился, упал на колени, зажал уши руками, закрыв глаза. Он скрежетал зубами, чтобы не заорать. Из уголков век брызнули слезы. Его спутник полупривстал и медленно сел на место.

— Тебе что-то надо? — спросил Терье.

Тот отрицательно покачал головой. Деде замер на некотором расстоянии, готовый ко всему. Окрестные едоки украдкой следили за происходящим.

— Давайте сходим за пальто, — предложил Терье рыжей девушке.

— А вдруг я не хочу? — спросила она, вставая. — И вообще-то у меня нет пальто.

Терье взял ее за руку и повел за собой. Она закидывала голову назад и улыбалась. Выходя, они прошли мимо Деде.

— Только не начинай, как твой старик. Да? — сказал Мартену старый официант.

Потом Терье проснулся на всклоченной постели, которая оказалась большим матрасом с простынями и одеялом на полу в большой белой комнате, погруженной в полутьму. За прорезями ставень было светло. Смятая одежда Мартена была разбросана по тонкому ковровину. В полной пепла тарелке извивались длинные сплюснутые окурки, на стене висела афиша с Марлоном Брандо в фильме «Дикарь», электропроигрыватель вполсилы играл песню Брайана Ферри «Токуо Джо». Терье посмотрел на часы на запястье. Два после полудня — точно не два ночи. Снаружи слышался звук моторов, в доме раздавались крики детей и звуки работающих телевизоров. Мартен встал, надел трусы. Рыжая девица вошла

в комнату и направила на него «Хеклер-Кох» 4. Терье находился в трех метрах от нее. Он хлопнул ресницами и замер совершенно неподвижно.

Девушка подошла ближе, улыбаясь и не выпуская пистолет. Когда до нее оставалось два метра, Терье сдернул за воротник свой пиджак со стула, веером махнул им в пространстве, попав по оружию и запястью девицы. Ствол отлетел в сторону и упал. Одновременно Терье в полной растяжке нырнул на пол, схватил девицу за обе лодыжки и опрокинул на спину. Голова рыжей девушки крепко стукнулась о тонкий ковролин.

–Ай! Да ты псих! – жалобно протянула она, пытаясь встать.

Терье подобрал автоматический пистолет и стоя, одним коленом на земле, навел его на рыжую голову. Он понял, что оружие не снято с предохранителя. Немного расслабился.

–Мне же больно, блин! Ты скотина! – сказала девица.

Она сидела на полу, раздвинув ноги и потирая кудрявую голову.

–Извини, – произнес Терье. – Ты меня напугала.

Он встал и засунул пушку в карман пиджака.

–Я не воровала, – объяснила рыжая, вставая и все еще потирая себе затылок, но теперь уже одной рукой. – Просто курево искала... Это что за штуковина? Ты бандит?

Ее грубо накрашенные глаза и губы виднелись в темноте как три провала на белом лице. На ней был черный акриловый халат с красными китайскими иероглифами.

–Да нет. Ты не бойся.

–Я и не боюсь.

В кухне засвистел чайник.

–Мне можно на кухню? – спросила девица.

–Разумеется.

Она вышла и вернулась с подносом, на котором стояли чашки, сахар, растворимый кофе и чайник. Терье тем временем успел одеться. Девица немного приподняла штору, чтобы в комнате стало светлее.

–Это оружие для защиты, – пояснил Терье. – По работе.

–А что у тебя за работа?

–Торговля. Случается перевозить крупные суммы. А у тебя?

–Я по электричеству, – ответила девица. Она села по-турецки возле подноса и развела в чашках кофе. – Да ладно, блин! Рабочая, – уточнила она. – Проигрыватели собираю.

–Знавал я когда-то одну вроде тебя, – заметил Терье.

–Таких хватает.

–А скажи-ка, мы ночью трахались? – спросил Терье.

–Еще как! Ты что, не помнишь?

–Не особенно. Классно со мной было?

–Ты был пьян в стельку.

–Но для пьяного в стельку – я был хорош или как?

–Отцепись, – отрезала девица.

–Пошли в кровать.

–Ну уж нет! – вскрикнула она. – Сегодня моя суббота. У меня одна суббота в месяц – выходной.

–Суббота, – повторил Терье. – Суббота? Ах да.

Он встал и вышел.

11

– Я поговорил с Анной, – сообщил Феликс с любезным видом. – Она в затруднении: не знает, как сказать тебе, что ты ей больше не нужен.

Терье ничего не ответил. Феликс осушил стакан залпом.

—Люблю терпкий виски, потому что на вкус он как блевотина, — заметил Феликс, недобро глядя на Терье. На вид он выпил уже немало.

Оба сидели в бамбуковых креслах на террасе пресловутой «хижины». Она представляла собой довольно просторное деревянное шале на крутом лесистом склоне в сотне километров от Нозака. За соснами виднелась Атлантика. Океан был серо-стальным, белесое небо мрачнело. Ветер почти не дул. Было холодно, но не так, как глубже на материке. Феликс одет в джинсы, толстый белый свитер из грубой шерсти в резинку, на ногах — сапоги. Он предложил Терье пуловер, но тот отказался и держался в своем костюме не сгибаясь. Его спина не касалась спинки сиденья, локти упирались в подлокотники, сомкнутые ладони сжимали почти полный граненый стакан.

—Если систематически пьешь то, что изначально напоминает блевотину, то когда начнешь блевать, вкус тебе привычен, — пояснил Феликс.

Двое мужчин внимательно смотрели друг на друга. Феликс улыбался, Терье — нет. Возле низкого столика с ребристой поверхностью стояло еще одно кресло — пустое. Анна вернулась из дома с серебряным шейкером в руке и села в него. На ней были толстый просторный свитер, вельветовые брюки и красные сапоги. Она наполнила стакан мужу, потом налила себе. Взглянула на Терье, потом уставилась в пол.

—Мы приезжаем сюда регулярно, потому что в Нозаке делать нечего, — сказал Феликс. — Что за дыра! Две фотовыставки в год, турниры по домино и прочее в том же духе. Фильм раз в месяц, в первый понедельник, в полночь — ну, ты понимаешь... Ты видел последнюю картину Олтмана?

—Что? — переспросил Терье.

—Последний фильм Роберта Олтмана.

—Это кинорежиссер, — объяснила Анна.

Теперь она смотрела в пространство: небо становилось темнее моря, смеркалось.

—А что ты думаешь о позиции Режи Дебре относительно прессы и интеллигенции? — поинтересовался Феликс, злобно разглядывая Терье. — А о «новом» французском детективе? А как ты считаешь — у джаза есть перспектива развития? Я лично сомневаюсь, наблюдая, как Шепп практически возвращается к бибопу, если вообще не к Бену Уэбстеру. А такой парень, как Энтони Брэкстон, заявляет, что он поклонник Ли Коница. Даже многообещающие вроде ребята, типа Брайана Мэриона или Чико Фримена... Если выбор: ничто или ништяк — лучше взять сало — как говорят в Оверни. Нет, серьезно, у одних легковесность, у других скука. Ну и пошли они все, по-моему. При этом я прекрасно понимаю, что это проявления одного и того же кризиса. Ты не согласен?

Феликс с шумом перевел дух. Терье сидел нахмурившись.

—Я не знаю, — ответил он.

—Отстань со своими глупостями, Феликс, — рассеянно прошептала Анна.

—А ты-то сам что любишь? — спросил Феликс у Терье, ослабившись. Он бросил взгляд на Анну, снова посмотрел на озадаченного Терье и уточнил: — Из музыки, например?

Терье пожал плечами. Феликс поднес стакан к губам и собрался опрокинуть его внутрь.

—Марию Каллас, — сказал Терье.

Феликс поперхнулся со страшной силой. Он закашлялся, срыгнул виски на подбородок и свитер, встал, отчаянно втягивая воздух с прозительным свистом, обошел вокруг стола, кашляя и спотыкаясь, стуча каблуками по полу террасы так, словно выколачивал себе бронхи и трахею. Анна посмотрела на Терье, тот поднялся и стукнул Феликса по спине. Потом молодая женщина внезапно повернула голову к двери в домик, потому что послышался легкий шум, как будто в кухне упало на пол что-то хрупкое. Анна покинула террасу, Феликс в это время с трудом пытался отдышаться. Он побагровел, из глаз катились слезы.

– Да таких, как ты, вообще не бывает, – наконец сказал он Терье слабым и прерывающимся голосом. Феликс с трудом вытащил крупный белый носовой платок из кармана очень узких джинсов, промокнул глаза и подбородок, потом свитер на груди. – Ты кретин, – подытожил он восхищенно. – Вот оно что. Только кретин может пропасть на десять лет и воображать себе, будто... – Феликс прервался, махнул рукой и хихикнул. – Денег у меня было не больше твоего, то есть своих собственных денег. Но я умный. Не идиот вроде тебя. Ну и мне обломилось, кстати говоря.

Терье сунул кулаки в карманы пиджака и напряг руки, отчего голова оказалась странно втянутой в поднятые плечи. Он держался как человек, который борется с холодом или с каким-то дурным чувством. Феликс улыбался – грустно и зло, глядя в пустоту.

– Что я имею – то мое, – прошептал Феликс все еще хрипло и прерывисто. – А не твое. Все так. Ошибки не вышло. – Он намурил брови, казалось, внимательно размышлял. – Нет, нет, ошибки не было, – твердо заключил Феликс.

– За стол! – крикнула Анна из дома.

– Идем! – откликнулся Феликс, взглянул на часы и вполголоса добавил: – Черт, что это с ней? Я еще совсем не голоден.

Терье вынул руки из карманов, повернулся к Феликсу спиной и вошел в дом, шагнув прямо в просторную гостиную, где имелись обеденная зона, салон для отдыха и раскладной диван на случай ночевки заезжих друзей. Стены были из бревен, покрытых бесцветным лаком, мебель по большей части старинная и деревенская, местами для декора висела медная кухонная утварь. В камине горел огонь, который Феликс не так давно разжег и помешал угли шестидесяти сантиметровой медной тостерной вилкой, купленной год назад на антикварном развале в Ирландии. Терье глубоко дышал: его голубые глаза смотрели в пол. Феликс последовал за ним, предварительно опрокинув в рот остатки терпкого виски.

– Да что такое? Стол и не накрыт! – закричал Феликс, обернувшись к приоткрытой двери на кухню.

Дверь распахнулась полностью, в ней стала видна Анна. Черноволосая молодая женщина с прической а-ля Луиза Брукс, с красноватыми щеками и в темно-синем плаще-болонье левой рукой скручивала русые волосы Анны, а правой вжимала ей в ухо короткий ствол «Кольт спешл эйджент».

– Стоять! – велела женщина.

Терье мгновенно замер. Феликс сделал еще один шаг, остановился, округлив рот и хлопая глазами. Он чуть покачивался – от изумления или выпивки.

– Эй, скажите... – выдавил Феликс.

– Тихо, – раздался мужской голос.

Два типа, бесшумно прокравшись по террасе, проникли в комнату. Тот, что пониже, был самым толстым. Бежевая куртка аляска обтягивала ему брюхо, коричневая тирольская шляпа криво сидела на лысой башке. У него были толстые щеки, плохая кожа на лице, куча оспин и черных точек. На носу сидели очки. Коротыш быстро и очень тщательно обыскал Терье, но не нашел оружия.

Тем временем второй человек, худой, не старше двадцати двух – двадцати трех лет, с довольно длинными блестящими волосами, полногубым ртом и смазливой ленивой рожей сутенера или цыгана, закрывал все ставни. Он был одет в охотничью куртку защитного цвета и вязаную шапку с отворотами. В ту секунду, когда парень затворил последние ставни, толстый коротышка включил электричество. Терье незаметно приблизился к Феликсу.

– У меня в кожаном пальто пистолет-автомат, – прошептал он под стук закрывающейся ставни.

– Не шушукаться, – приказала брюнетка с кольтом. Она отпустила волосы Анны и резко толкнула молодую женщину в центр комнаты – та едва устояла на ногах. – Всем сесть на пол, руки на голову.

Терье и Анна тут же подчинились. Феликс поставил колено на пол, приподнял руки, криво улыбаясь углом рта.

– Это... что? – спросил он, чуть заикаясь. – Налет?

Брюнетка сделала три шага вперед и ударом наотмашь перебила ему нос стволом револьвера. Феликс в ужасе закричал и попробовал встать на ноги. Девушка стукнула его кольтом по темени, тощий парень дал сапогом по почкам. Феликс со стоном рухнул на пол. Рукой он зажимал разбитый нос. Кровь текла у него из носа и из раны под волосами.

– Оставьте его, он чудик, – сказал Терье.

Мартен сидел на полу неподвижно, согнув колени, держа руки на голове, как было велено. Брюнетка посмотрела на него и не улыбнулась. Она обогнула Мартена сзади, сунула кольт в карман болоньи, схватила левую руку Терье и отогнула мизинец наружу. Кость шелкнула и вышла из сустава. Терье, не открывая рта, испустил протяжный глухой стон, его туловище закачалось, слезы потекли из уголков сжатых век, потом он внезапно отрыгнул себе на колени выпитую каплю горького виски.

– В сравнении с тем, что мы вам по правде устроим, если будете доставать – это цветочки, – предупредила брюнетка. Она обошла Терье, чтобы посмотреть ему в лицо. – Я Розанна Росси. А ты Мартен Терье. Кое-кто зовет тебя Кристианом. Пять лет назад ты убил моего брата. Сейчас ты мне про это расскажешь.

– Свяжите этих двоих, засуньте их на второй этаж и поболтаем, – предложил Терье.

– Поздно, они знают мое имя.

– Нет! – закричал Феликс. – Нет, не поздно! Мы ничего не знаем, знать ничего не хотим, сами между собой разбирайтесь! Послушайте, я уже забыл ваше имя. Слушайте, я докажу свою пользу: у Терье есть револьвер! Я могу сказать где!

Анна повернула голову к Феликсу и вгляделась. Он был жалок и ничтожен, со слипшимися от крови волосами, текущей из носа смесью крови, слез и соплей. Розанна Росси тоже смотрела на Феликса.

– В кожаном пальто, – продолжал Феликс. – Вон там, на вешалке. – Он мотнул головой в сторону вешалки у дальней стены. – И пошел ты, кретин поганый, – добавил Феликс, обратившись к Терье, который не глядел в его сторону. Потом муж Анны закрыл глаза и осторожно ощупал свой нос: – Я теперь могу дышать только ртом! – горестно воскликнул он.

Толстый коротышка с чешским автоматом, болтающимся на жирной руке, переглянулся с Розанной, кивнул и пересек комнату. Он нашел в правом внутреннем кармане кожаной куртки «Хеклер-Кох» 4, вернулся на место, с довольным видом лапая оружие. Брюнетка снова перевела взгляд на Терье.

– Ну так как? – спросила она.

– Свяжите их и отправьте на верхний этаж, – потребовал Мартен.

– Теряем время, – решила брюнетка.

– Он прав! – завопил Феликс. – Отправьте нас наверх! Нам плевать на все ваши истории!

– Убери его, – приказала брюнетка толстому, который спрятал свой автомат и снял «Хеклер-Кох» 4 с предохранителя.

– Пойдите, вы сдурели! – заорал Феликс. – Пойдите, Терье влюблен в мою жену! Отправьте меня на второй этаж и оставьте жену, он заговорит!

Он умоляюще смотрел на Розанну Росси. Она чуть улыбнулась. Терье закрыл глаза и сделал долгий выдох. Толстый коротышка взглянул на брюнетку, она кивнула. Он приставил пистолет Мартена к голове Феликса и нажал на курок. В закрытом помещении оружие

произвело значительный шум. Череп Феликса взорвался. Куски органики полетели во все стороны, застучали по стенам и стеклам. Труп Феликса громко рухнул на бок. В воздухе поплыл запах кордита.

Терье посмотрел на Анну. Она казалась абсолютно спокойной, только зубы ее впились в нижнюю губу.

–Дучо, поищи-ка. Наверняка в этой халупе должны быть свечи, – велела брюнетка тощему парню. Она держала руки в карманах плаща, чуть наклонилась к Терье. – Мы засунем свечку этой цыпочке между ног, – сообщила брюнетка нарочито любезно.

–Я застрелил вашего брата из карабина на дороге в Северной Италии, – сказал Терье. – Дату не помню. Что еще вам надо знать?

Тот, что звался Дучо, прошел в кухню и начал открывать ящики, выворачивая их содержимое на пол.

–Надо знать зачем, – ответила брюнетка.

–Не могу больше, – вдруг сказала Анна.

Она завалилась на пол, отрывисто и пронзительно попискивая. Руки и ноги ее тряслись, глаза закатились, зубы оскалились. Конвульсии отбросили Анну спиной почти на метр в сторону. Потом все тело обмякло, она глубоко задышала, между век виднелся белок зактившихся глаз. Анна застыла.

–Как вы меня нашли? – спросил Терье.

Розанна Росси покачала головой.

–Подохнешь в неведении, так противней, – заметила она. – Мы быстро прикончим тебя с этой цыпочкой, если ты мне все расскажешь.

–За последние годы я убил какое-то количество людей, потому что мне так приказывали, – пояснил Терье. – Я регулярно работал на человека, который называет себя Коксом. Он американец. Это все, что я знаю.

–Да нет же. Тебе точно известно еще много чего.

Терье вздохнул и начал довольно точно описывать внешний вид мистера Кокса. На Анну, лежавшую с каплей пены у рта возле камина никто уже не обращал внимания. Вдруг она вскочила и выхватила из очага большую тостовую вилку. Сжимая ее двумя руками, Анна бросилась на Розанну Росси и заорала.

Она бежала так быстро, что настигла брюнетку прежде, чем та успела обернуться. Три огромных зубца вошли под лопатку и полностью проткнули итальянке легкое.

Терье в тот же миг вскочил на ноги и вырвал кольт из рук Розанны Росси, пока та выплевывала фонтан пузырящейся крови. Женщины рухнули друг на друга ничком на пол, а Терье и толстый коротышка одновременно открыли стрельбу. Коротыш промазал, пуля 38-го калибра разнесла ему сердце, и он упал. Терье развернулся к кухне, где парень, паникуя, неумело тащил из кармана «Сэвидж». Терье пустил ему пулю в живот. Дучо выронил пистолет и с воплем брякнулся на колени. Он ухватился за дверь кухни, захлопнул створку. Терье разрядил в дверь барабан кольта, потом кинулся на террасу, по пути подобрав «Хеклер-Кох» 4. Выскочил из дома, со всех сил обежал его кругом, поскользываясь на хвое и песке. Оказался у разбитого окна кухни. В небольшом разгромленном помещении Дучо сидел, уткнувшись в изрешетченную дверь. В спине у него зияли воронки размером с помидор. Вцепившись в дверную ручку, он еще пытался встать. Терье шагнул в кухню через окно. Поднял с пола «Сэвидж», сунул в карман, за волосы оттащил Дучо от двери и вернулся в гостиную.

Толстый коротышка был мертв, обе женщины – без сознания. Терье быстро осмотрел Анну, убедился, что у нее нет физических повреждений, поднял на руки, отнес на раскладной диван. Поспешно вернулся в кухню. Молодой итальянец тоже дал дуба. Терье пошел назад в общую комнату, достал носовой платок и вытер лицо. Его губы дрожали. Через секунду дрожь прошла. Потом он увидел, что Анна открыла глаза и смотрит на него.

– Мне надо уйти, – произнес Мартен. – Скажешь, что была наверху, ничего не видела и не слышала. Нет, услышала выстрелы, спустилась, здесь все мертвые...

– Я еду с тобой, – отрезала Анна.

Терье, казалось, секунду не был способен сформулировать ответ.

– Ты вовсе не обязана, – вымолвил он наконец. – Тебе просто надо сказать, что...

Анна снова прервала его:

– Я еду с тобой. Разве ты не этого хотел?

– Этого, – признал Терье.

Он развернулся и стукнул по левой ладони правым кулаком.

– погоди, – сказал Терье. – Пожалуйста, поднимись на минуту наверх. Надо... мне нужно... – Он наклонился к Розанне Росси, убедился, что она мертва. – Хотя нет. Ладно. Уходим.

12

На дороге, идущей вдоль моря, им навстречу попался фургон жандармерии.

– Наверно, соседи что-то услышали, – предположил Терье.

Он покосился на Анну. Она не выглядела потрясенной. В ее манере сидеть не чувствовалось напряжения. Молодая женщина смотрела прямо вперед.

На нижней губе виднелось темное пятно – там, где Анна прикусила ее до крови. Она ничего не ответила.

– Мне нельзя рисковать, заезжая в отель или к тебе домой, – сказал Терье после короткой паузы. – Но я могу посадить тебя в центре Нозака.

– Нет.

– Ну тогда я еду на автостраду и напрямик в Париж, – сообщил Терье.

Молодая женщина кивнула – легко и быстро.

– Ты точно знаешь, что делаешь?

– Да-да, – ответила она. – Выпить хочешь?

– Нет, – сказал Терье.

Анна с трудом перегнулась за ремень безопасности, чтобы достать с заднего сиденья бутылку «Мартель». Перед отъездом Терье собрал все оружие, кроме ручных пулеметов М16 и «Узи» – их Мартен оставил там, где их обнаружил: в машине клана Росси, в BMW под соснами в сотне метров от дома. Анна же, нетвердо обойдя комнаты, просто накинула шубу из волчьего меха и забрала коньяк.

Она отвинтила колпачок и поднесла горлышко к губам, но тут же зажала бутылку в коленях.

– Пить не особенно хочется, – заметила Анна. Она закупорила бутылку, поставила на пол между ног, посмотрела на Терье. – Лучше не разговаривать с тобой, когда ты за рулем?

– Мне это не мешает.

Теперь они выехали на шоссе. Терье снизил скорость, включил поворотник и свернул на подъездную к платной автостраде. Сломанный палец вроде бы не мешал ему управлять машиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.